

СТИВЕН
ДЖЕРРАРД

ВЫИГРЫВАТЬ
ЛЮБОЙ
ЦЕНОЙ

Иконы спорта

Стивен Джеррард

Выигрывать любой ценой

«ЭКСМО»

2015

УДК 796.332:929Джеррард Стивен
ББК 75.578

Джеррард С.

Выигрывать любой ценой / С. Джеррард — «Эксмо»,
2015 — (Иконы спорта)

ISBN 978-5-699-91410-4

Легендарный игрок «Ливерпуля», капитан сборной Англии, он выиграл два Суперкубка Англии, также по разу побеждал в Лиге чемпионов и Кубке УЕФА и дважды выигрывал Суперкубок Европы. Он провел в составе команды «Ливерпуль» 28 лет и 700 матчей. Он – легендарный Стивен Джеррард. В своей новой автобиографии Стивен честно рассказал о своих 114 матчах за сборную Англии, в том числе на Кубке мира и чемпионате Европы. Без прикрас поведал о своих победах и поражениях, о своих ошибках, за которые заплатил немало. Рассказал о тех, с кем играл и соревновался, от Луиса Суареса до Жозе Моуринью. Но самое главное – открыл секрет своего успеха. Вы держите в руках самую честную книгу футболиста, который почти не общался с прессой. Именно в ней Стивен решил поставить все точки над і и объяснить, как это – выигрывать любой ценой.

УДК 796.332:929Джеррард Стивен
ББК 75.578

ISBN 978-5-699-91410-4

© Джеррард С., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

От автора	6
Пролог: Ускользя	7
Глава первая. Противостояние	10
Глава вторая. Черeda сезонов	28
Глава третья. То радость, то печаль	42
Глава четвертая. Отборочные этапы и позиции	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Стивен Джеррард

Выигрывать любой ценой

Steven Gerrard: My STORY

© Original English language edition first published by Penguin Books Ltd., London. Text copyright © 2015. The author has asserted his moral rights. All rights reserved

© Перевод с английского Бойцова О., 2016

© Фотография на обложке: © Steve Schofield/Contour by Getty Images/Gettyimages.ru

© Оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Посвящается моим родным и друзьям

От автора

Мою первую книгу, «Джеррард», издали в 2006 году. В новой книге больше внимания уделено последним событиям, в ней – продолжение моих размышлений по поводу двадцатисемилетней карьеры в «Ливерпуле» и четырнадцати лет в сборной Англии, а также более личный разбор взлетов и провалов, которые повлияли на всю мою жизнь.

Пролог: Ускользя

Ливерпуль, воскресенье, 27 апреля 2014 года.

Я сидел на заднем сиденье автомобиля, чувствуя, как по лицу у меня катятся слезы. Много лет я не плакал, но тут, по дороге домой, никак не мог остановиться. В этот солнечный вечер в Ливерпуле слезы никак не останавливались. Было очень тихо, а мы все дальше и дальше отъезжали от «Энфилда». Сейчас я уже не вспомню, сколько длилась та поездка. Не скажу даже, были ли улицы забиты машинами или там царила такая же пустота, как у меня внутри. Она убивала меня.

Часом ранее, после игры с «Челси», мне хотелось сквозь землю провалиться. Подразумевалось, что наш предпоследний домашний матч в сезоне будет решающим в борьбе за титул. В предыдущей игре на «Энфилде» мы уже разбили своих ближайших соперников, «Манчестер Сити». Мы только что в одиннадцатый раз легко одержали верх. Еще одна победа – и мы почти наверняка впервые с мая 1990 года выиграем в лиге.

Двадцать четыре года назад, в тот месяц, когда мне исполнилось десять, тренером команды нашей с отцом мечты был Кенни Далглиш, а капитаном – Алан Хансен. Кроме них, в команде были Макмэхон и Молби, Бирдсли и Раш, Уилан и Барнс.

Уже тогда, мальчишкой, что в восемь лет поступил в Академию «Ливерпуля», я мечтал об этом дне: я стремился и молился о том, что однажды тоже смогу выиграть в лиге на глазах у всей фанатской трибуны, Копа. Моя первая игра в стартовом составе состоялась в 1998 году, когда мне было восемнадцать, и я и не догадывался, каково это: тридцатитрехлетнему мужчине плакать на заднем сиденье автомобиля.

Я был в таком оцепенении, будто потерял кого-то из близких. Такое чувство, будто вся четверть века, которую я провел в этом футбольном клубе, испарилась. Я даже не пытался сдержать бесшумно текущие слезы, потому что события дня вновь и вновь прокручивались у меня в голове.

Все произошло на последней минуте первого тайма в матче с коварной «Челси», задумавшей остановить наш рывок к славе силами Жозе Моуринью. У центральной линии поля я принял простой пас. Момент был пустяковый, мелкое препятствие в нашей напряженной борьбе за титул. Я двинулся навстречу мячу – он выскользнул из-под ноги.

Тут резкий поворот. Я поскользнулся и упал. Мяч отбросило, и началось сокрушительное нападение «Челси». Я кое-как поднялся и помчался что есть мочи. Я преследовал Дембу Ба, словно от этого зависела моя жизнь. Я знал, что будет, если не перехвачу его. Но все безнадежно. Мне не удалось остановить его. Ба забил гол. Все кончено. Мой промах дорого обошелся.

В машине со мной была Алекс, моя жена, и Грэтти, Пол Макгрэттен, один из моих ближайших друзей. Алекс и Грэтти изо всех сил пытались мне помочь, успокоить. Они говорили что-то вроде: «Слушай, все еще можно изменить, ведь впереди еще несколько матчей»...

Но я знал. Судьба титула теперь в руках «Манчестер Сити», и уж они не упустят его. «Ливерпулю» не вернуть его. «Стамбульского чуда», повторения того финала Лиги чемпионов 2005 года, когда в первом тайме мы проигрывали «Милану», итальянским мастерам обороны, 3:0, но все же отыгрались и выиграли матч в серии пенальти, больше не произойдет. Я был в сердце этой команды. Я уже столько лет был капитаном «Ливерпуля». В тот раз, когда мы долго отыгрывались в матче с «Миланом», именно я забил первый гол. Я целовал и держал кубок Лиги чемпионов, и в тот волшебный вечер в Стамбуле я целовал его вновь, прежде всех остальных.

Я испытывал и торжество победы, и отчаянье поражения. Два года спустя я вновь проиграл «Милану» в следующем финале Лиги чемпионов. Я – единственный игрок, забивав-

ший в финалах Кубка Футбольной лиги, Кубка Англии, Кубка УЕФА и Лиги чемпионов. Я более сотни раз играл за Англию в чемпионатах мира и чемпионатах Европы. До сих пор я был капитаном сборной Англии. Скоро мы поедем в Бразилию на мой последний крупный турнир.

Тем временем в Ливерпуле для семей девяноста шести наших фанатов, в том числе и моего десятилетнего двоюродного брата, Джона-Пола Гилхули, столь трагически погибшего в Хилсборо, продолжалась битва за справедливость. Только что мы отмечали двадцать пятую годовщину нашей утраты – были предприняты значительные шаги, чтобы разоблачить ложь и замалчивание правды, все то, что столь долгие годы скрывалось. Тьма и свет, восторг и страдания были неразлучны. Они шли бок о бок, независимые, но неразделимые, как две штанги пустых ворот на стадионе «Энфилд».

В лиге все было иначе. Я так долго жаждал выиграть ее в составе «Ливерпуля», что теперь, когда победа вновь ускользнула, я не мог сдержать своих чувств. Слезы все текли, и любимый мною город превращался в размытое пятно.

Я занимался самобичеванием. В моей голове был полный сумбур. Это очень характерно для меня, но тогда мне не казалось, что я чересчур суров или самокритичен. Я пережил множество замечательных моментов в своей спортивной жизни и добился такого успеха, о каком не помышлял даже в самых лихорадочных мальчишеских фантазиях. Я участвовал и забивал голы в играх и турнирах, которые по сравнению с Блубелл Эстейт в Уитоне, Ливерпуль, 36, где я вырос, – просто другая вселенная. Я делал такие вещи, которые в детстве потрясли бы меня.

Кроме того, я отдал всего себя без остатка футбольному клубу «Ливерпуль»: на тренировках, во время почти 700 игр, за пределами поля, в команде, а также как член клуба, житель района и города. Большого я сделать не мог. Я отдал все стремления, желания и надежды до последней капли. В конечном счете этого оказалось недостаточно, чтобы мы смогли завоевать титул, обладать которым в «Ливерпуле» жаждал каждый.

Вместо того чтобы отдать длинную поперечную передачу и забить гол, совершить решающий перехват или закрутить мяч в сетку позади Марка Шварцера и закрепить победу, я поскользнулся. На финальной минуте «Челси» забила второй гол, но роковым стало лишь простое невезение.

И вот мяч, пас от Мамаду Сако, – и вот я поскользнулся и упал. Фанатская трибуна, да и весь «Энфилд» пели «Ты никогда не будешь один», но я в своей машине чувствовал себя в одиночестве. Мне было очень одиноко. Гимн «Ливерпуля» напоминает о том, что, гуляя в грозу, нельзя вешать голову. Он подсказывает, что не надо бояться темноты. Напоминает о том, что нужно идти под дождем и ветром, даже если все мечты разметало и разнесло, идти с надеждой в сердце.

Мне казалось, что надежды у меня почти не осталось. Похоже, я, наоборот, был недалек от самоубийства. В конце концов, я заговорил с Алекс и попросил ее позвонить Струану Маршалу, моему агенту, чтобы он успел устроить мне вылет из страны тем же вечером. Мне нужно было уехать. Я не мог допустить, чтобы три моих дочери видели меня столь расстроенным и подавленным. Они огорчатся, увидев папу столь разбитым. Мне нужно было уехать из Ливерпуля, потому что мне все еще казалось, будто я всех подвел. Мне надо было найти какое-нибудь место, где мы могли бы побыть одни: только я и Алекс. Что-нибудь вроде города-призрака. Может, мне бы тогда удалось забыть эту боль.

Я слышал, как Алекс разговаривала со Струаном, но мной овладело оцепенение. Автомобиль набрал скорость, и вскоре все мы вновь погрузились в молчание. Я глубоко погрузился в свои мысли и воспоминания об этом волнующем, но мучительном сезоне, о своем спортивном пути, полном счастья и любви, и о том, как я в конце концов оказался здесь, на

заднем сиденье автомобиля, со все еще мокрыми от слез щеками, которые я начал вытирать. Почему-то я знал, что уже никогда больше не буду чувствовать себя таким одиноким.

Глава первая. Противостояние

Когда я был маленьким и каждый день играл в футбол на Айронсайд-роуд возле нашего дома в Блубелл Эстейт, я становился Джоном Барнсом. Он был старше меня лет, наверно, на семнадцать, у него была кожа другого цвета, но на широкой полоске бетона, что вела прямоком к нашей парадной двери, нас с самым блестящим игроком «Ливерпуля» было не отличить.

В нашем тупичке я пытался быть в точности таким же, как Барнс: ловким и непобедимым, с доведенным до автоматизма дриблингом и забивающим удивительные голы своему старшему брату Полу и его приятелям, старше меня года на три-пять. Они бились изо всех сил и иногда роняли меня, от чего я в кровь сбивал колени. Но я попросту поднимался, сдерживая слезы, и на улице, которая для меня была скорее как футбольное поле, вновь становился Джоном Барнсом.

Все признаки совпадали. В команде «Ливерпуль» Джон Барнс носил номер 10 на футболке, а мы жили в доме номер 10 по Айронсайд. Мы оба обожали футбол, оба любили Ливерпуль, хотя он и приехал в Мерсисайд с Ямайки, побывав до того в Уотфорде, а я же родился тут, в городе. Я был тощим мальчонкой, и не реже я превращался в Джона Олдриджа, без усов, зато сыпя фирменными ливерпульскими голами, или в Питера Бирдсли, подражая если не его ньюкаслскому выговору, то его коротким прорывам с финтами и пасам. Я мог изобразить Ронни Уилана, невозмутимого ведущего полузащитника, или Стива Макмэхона, сурового мастера жесткого перехвата и ложного отката с таким же ливерпульским выговором, как у меня. Я тренировался выполнять финт Макмэхона, когда нужно обогнать мяч, продолжая вести его вдоль боковой линии. Я снова и снова выполнял его. Все звезды «Ливерпуля» были моими, и я превращался в них в своих фантазиях и на Айронсайд-роуд во время игр, где все были намного крупнее и сильнее меня. Но я ни разу не уступил им в решимости.

Мне было восемь, когда меня приняли в учебный центр «Ливерпуля». Папа будет возить меня в Вернон Сангстер, ныне снесенный спортивный центр на «Стэнли Парк». Мы оба будем очень горды. В учебном центре клуба я оденусь в красный цвет «Ливерпуля», и неважно, что нам с отцом приходилось ездить на автобусе с пересадкой в дождь и холод, зимой пробираясь сквозь снег и лед. Мне казалось, что каждый день, когда я играю, светит солнце.

Когда я уставал – а ведь я был еще таким юным, – отец всегда был готов меня подбодрить. В те редкие дни, когда я приходил домой из школы и говорил, что слишком вымотан, чтобы на автобусе с пересадкой отправиться в Вернон Сэнгстер, папа решал мои проблемы.

– Для «Ливерпуля» ты никогда не бываешь слишком вымотан, – напоминал он. – Давай-ка переоденься, высуши волосы, приведи себя в порядок, и будем выходить.

К тому времени, когда мы добирались до спортивного центра, я вновь был полон желания играть.

Я все так же любил Олдриджа, Барнса, Бирдсли, Макмэхона, Уилана и остальных, но шли годы, я стал подростком, и на «Энфилде» у меня созрела новая фантазия. Каждый раз, когда я видел, как Робби Фаулер со своим легендарным номером 9 на футболке играет на линии нападения за «Ливерпуль», я, обычный одуревший от обожания фанат, мечтал оказаться с ним в одной команде. Робби тоже из Ливерпуля, и абсолютно для каждого из нас он был героем. Он был мальчишкой из Токстита по прозвищу «Бог». Я представлял, как в очередной раз направляю пас, разрушая оборону и создавая очередной голевой момент для Фаулера. Я был убежден, что вдвоем мы были бы непобедимы.

Мечта исполнилась. Я никогда не играл с Робби на пике его или своей карьеры, зато мы стали членами одной команды. Мы играли вместе за «Ливерпуль» и даже за Англию.

В августе 2013 года, проведя в «Ливерпуле» 25 лет: от счастливого отрочества в Академии и двух лет веселья в молодежной команде до восторженного капитана-призера Лиги чемпионов, – я испытывал все то же жгучее стремление, что владело мною на Айронсайд-роуд и на стадионе «Энфилд». Мне было тридцать три, но я так и остался фанатом. Я все еще любил футбольный клуб «Ливерпуль» с его игроками, особенно Джоном Барнсом, Робби Фаулером и Луисом Суаресом.

Как и в Барнсе с Фаулером, в Суаресе я видел некоторые свои черты. Луис тоже был уличным футболистом, и им владела та же одержимость, что и мной. И неважно, родились ли мы в Монтевидео или в Мерсисайде, у нас было кое-что общее: нашими жизнями правил футбол.

Луис пришел в «Ливерпуль» 31 января 2011 года. Во время первой же полноценной тренировки в Мелвуде, на нашей тренировочной площадке, его одержимость футболом стала настолько очевидной, что у меня захватило дух. Луис принадлежал к той редкой породе футболистов, которые тренируются так же, как играют. Мелвуд под морозящим утренним дождем во вторник ничуть не отличался от «Камп Ноу» в блеске вечерних субботних огней. Луис играл ради победы в тренировочном матче с командой из пяти человек так же, как он боролся за победу в Лиге чемпионов или чемпионате мира. Если его команда проигрывала, перебрасываясь мячом в Мелвуде, он отправлялся домой недовольным. Ему всегда позарез нужно было побеждать.

Мне нравился этот напор и страсть. А больше всего мне нравились его способности и умения. В течение всей своей карьеры я тренировался с рядом поразительных футболистов, и я всегда считал, что оказался среди них как один из лучших. Такая убежденность необходима. И поэтому я всегда желал, чтобы в «Ливерпуль» приходили самые лучшие в мире игроки. Я хотел, чтобы они подняли клуб на ту высоту, которую «Ливерпуль» занимал в 1980-е, когда я был мальчишкой с Айронсайд-роуд. У меня были и более корыстные соображения: я хотел доказать этим великим футболистам, что я принадлежу к их числу.

Луис Суарес предоставил и «Ливерпулю», и мне эту прекрасную возможность. Кроме того, он дал нам шанс противостоять «Манчестер Юнайтед», «Челси» и «Манчестер Сити» с их деньгами и мощью.

И на тренировках, и во время матчей Луис вновь и вновь доказывал, что уровень его игры отличается от всех остальных. Я пуще прежнего старался соответствовать ему, но Луис был футболистом лучше меня.

Выбирать самых лучших игроков в свою команду было сложно всегда, на всем спортивном пути, который растянулся на 17 сезонов, но когда я начинаю задумываться об этом, все тут же проясняется. В мое время в «Ливерпуле» и в сборной Англии выделялось четверо игроков. Первые трое помогли мне стать более сильным футболистом. Все они говорили на испанском. Каждый из них вызывал во мне и в каждом болельщике «Ливерпуля» взрыв эмоций. Фернандо Торрес. Хаби Алонсо. Луис Суарес.

Уэйн Руни, еще один уроженец Ливерпуля, хоть и болельщик, и игрок «Эвертона», который в 2004 году перебрался с «Гудисон Парк» на «Олд Траффорд», заслуживает того, чтобы встать с ними в один ряд. Бывали тренировки и матчи сборной Англии, когда Уэйн демонстрировал такой же талант и стремление. Алонсо. Торрес. Суарес. Руни.

В «Барселоне» на линии нападения играют Лионель Месси, Неймар и Суарес. Пожалуй, у меня была собственная футбольная команда мечты: Алонсо и Джеррард в центре поля, в гуще сражения, а Суарес, Торрес и Руни на линии нападения.

Суарес был как настоящий. Он был не просто выдуманным игроком в некой воображаемой команде. Он бегал и прессинговал, боролся за мяч и вновь бежал; все это наряду

с необычайными перемещениями и безупречными голами. Был довольно долгий период, когда, играя с Луисом, я словно находился под колдовскими чарами. Он сражал меня наповал своим талантом.

Самой подходящей парой для Луиса был Фернандо. Года два, играя с Фернандо, я чувствовал себя непобедимым. Я всегда знал, где он и куда переместится в следующий момент. Я вовсе не прирожденный номер 10, но за пару лет Фернандо помог мне стать им. Именно тогда, под номером 10, я провел свой лучший сезон, и этим я обязан игре с Фернандо в 2007–2008 годах. В том сезоне у меня была самая впечатляющая статистика: 24 гола и девять голевых передач. Каждый раз, когда я выходил на поле с Фернандо, я был уверен, что или я, или он забьем гол и выиграем матч. То же самое я чувствовал и с Суаресом, а иногда и с Руни. Бывало, перед каким-нибудь крупным международным матчем я выходил на поле с Руни и думал: «У нас все шансы победить сегодня... благодаря ему...»

Еще одним особенно любимым нападающим был Майкл Оуэн. Мы играли вместе, когда были гораздо моложе, но для меня как для полузащитника Майкл был настоящей мечтой. Однако Луис в конечном счете лучше всех. Когда я был гораздо моложе и в апогее славы, я бы пришел в полный восторг от того, что мне довелось играть с Луисом, ведь мы могли бы долгие годы показывать феноменальную игру вместе. Это – единственное, о чем я немного жалею при мысли о Суаресе.

И это пример того, что он сделал для меня. 13 марта 2012 года на стадионе «Энфилд» я забил три гола в матче с «Эвертоном». Это был первый хет-трик за тридцать лет на Мерсисайдском дерби с тех пор, как в 1982 году Ян Раш забил три мяча на стадионе «Гудисон Парк». Говорят, это первый хет-трик на дерби в «Энфилде» с 1935 года. Я всегда любил футбол отчасти благодаря его истории. Но и история не так волнует, как сознание того, что в тот день я играл в футбол с Луисом Суаресом.

Во время того матча я забил несколько голов, и неплохих, и помню, это – мой любимый матч на стадионе «Энфилд». И не только потому, что мы выиграли у «Эвертона». Обожаю выигрывать дерби, потому что эвертонские фанаты много лет страшно ругали меня. По-настоящему оскорбляли. Поэтому забить им три гола был невероятно приятно. А поток бескорыстного волшебства, которое в тот вечер пролил на меня Суарес, делал их еще приятнее. Это – редкое сочетание: чудесный футболист, который готов использовать свой талант для создания голевых передач для товарища. Месси, несмотря на всю свою славу, обладает такой же кротостью.

Луис вовсе не святой, и я не уверен, сделал ли бы он то же самое для Даниэля Старриджа. Между Старриджем и Суаресом всегда существовала доля соперничества. Но в отношении меня, особенно во время игры против «Эвертона», Луис изменял своим привычкам. Он помогал и «Ливерпулю», и мне превосходно сыграть.

Всякий, кто ругает Луиса Суареса, не зная его лично, пожалуй, удивился бы, получи он шанс воспользоваться его бескорыстной готовностью пожертвовать собой ради команды. Он в лепешку разобьется, как в тот вечер, когда он сиял, словно прочнейший бриллиант. Хет-трик выполнил я, но два из трех моих голов мне как на блюде поднес Суарес.

Каждый день, глядя на его игру, я вспоминаю и другие чудесные моменты: то, как он отдает футболу все. Он не ходит в кабинет врача. Он – настоящий воин. Суарес превосходит Торреса именно благодаря такому отношению, этой выносливости, которая означает, что он не пропустит сезон или матч. Он забивает голы. Он делает голевые передачи. Он жесток и ужасен для соперников. Он прямо создан для этой игры. Если Луис Суарес в вашей команде – у вас все шансы победить любого противника на свете.

**ВСЯКИЙ, КТО РУГАЕТ ЛУИСА СУАРЕСА, НЕ ЗНАЯ ЕГО ЛИЧНО,
ПОЖАЛУЙ, УДИВИЛСЯ БЫ, ПОЛУЧИ ОН ШАНС ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ**

ЕГО БЕСКОРЫСТНОЙ ГОТОВНОСТЬЮ ПОЖЕРТВОВАТЬ СОБОЙ РАДИ КОМАНДЫ.

Тренировочная база «Мелвуд», Уэст Дерби, Ливерпуль, август 2013 года.

Всякий раз, когда я взглядывал на Луиса, меня вновь и вновь охватывали обида и досада. Меня это нервировало и терзало несколько дней. Я должен был тренироваться с основным составом, а Луис находился через две площадки от нас. Компанию ему составлял лишь тренер по общефизической подготовке. Время от времени ему только и разрешали, что выйти поработать после того, как мы закончили тренировку. Разногласия между «Ливерпулем» и Суаресом обострились.

Я оказался между двух огней. С одной стороны были американские владельцы клуба, компания Fenway во главе с Джоном Генри и Томом Уэрнером, и наш главный тренер, Брендан Роджерс. С другой стороны, в дальнем конце ряда тренировочных полей «Мелвуда», был наш Луис Суарес.

Луис был зол на Fenway. Он ругался с Бренданом. Он был так раздражен, что в течение недели в начале августа еле шевелился на тренировках. Луис пытался настоять на своем. Он разочаровался в Брендане, потому что был убежден, что главный тренер или кто-то другой из руководства Fenway лгал ему. Луис хотел просто играть в футбол. И поэтому то, что он неделю игнорировал тренировки, резануло меня. Одна и та же мысль не переставая крутилась у меня в голове: «Неужели кто-то подучил Луиса так повести себя?»

Я не знаю, кто именно решил выгнать его, но я думаю, последнее слово было за Бренданом. Должно быть, он подумал: «Что ж, я не могу заставить его тренироваться с командой, если он не желает набирать темп». Я понимал такое решение, но все же мне казалось, что я должен помочь. Раскол между Луисом и Бренданом, между игроком и клубом, становился все глубже и глубже. Найти какой-то способ примирить их было непросто. Причиной конфликта стало то, что «Арсенал» после смехотворно низкой первоначальной цены предложил «Ливерпулю» 40 миллионов и один фунт за Суареса.

Не знаю, что было в контракте Луиса, но, по слухам, предполагалось, что после любого предложения, превышающего 40 миллионов фунтов, вступает в силу условие об освобождении от обязательств. И все-таки то, что к предложению «Арсенала» был добавлен лишь жалкий фунт стерлингов, казалось оскорбительным, да и удивительным. Я считал это исключительным цинизмом. Как правило, «Арсенал» вел себя чрезвычайно благородно. У них классный тренер, Арсен Венгер, классные игроки, и играют они как следует. Я испытываю к «Арсеналу» глубокое уважение, потому что они ведут себя должным образом. Но не в этот раз.

Своей гонкой за Суаресом они разъярили наших владельцев. А Луиса не на шутку взбесило, что Fenway отказалась продавать его. За предшествующие четыре месяца ситуация обострилась. У меня с Луисом не такие отношения, чтобы я каждый день писал ему сообщения или обедал за пределами клуба, но как только мы оказывались в Мелвуде, мы все обсуждали друг с другом. Мне нравился его характер, он увлекает за собой, и он все время совершенствовался в английском. Мы с Луисом могли говорить по-мужски, потому что уважали друг друга.

В раздевалке мы сидели рядом. Номера тренировочных курток и ветровок идут от одного до 37, и очевидно, что его номер 7 был возле моего номера 8. Я сидел достаточно близко к нему, чтобы потихоньку спросить:

– Эй, Луис, что происходит?

Сначала это была лишь непринужденная беседа. Луис отвечал:

– Слушай, меня обхаживают несколько клубов.

Или:

– Я хочу играть в Лиге чемпионов.

Я переживал, что мы потеряем Луиса задолго до неразберихи с «Арсеналом», ведь я знал, как он хорошо играет. К концу сезона 2012–2013 года он забил 51 гол в 96 матчах за «Ливерпуль». Тридцать из этих мячей приходилось на текущий сезон, и они были ключевым фактором, благодаря которому наша игра стала лучше в течение первого года нахождения Брендана в должности нашего главного тренера после того, как он летом 2012 года сменил Кенни Далглиша. Это было похоже на ситуацию с Торресом. Когда лучший игрок на пике своей формы и забивает почти на каждой неделе, крупнейшие клубы Европы, скорее всего, начнут кружить вокруг него, наблюдая. А когда вы не вошли в Лигу чемпионов, а ваш звездный футболист играет столь хорошо, вы в опасности. Непросто дать отпор конкурентам, которые готовы потратить кучу денег, чтобы увести у нас таких игроков, как Торрес или Суарес. Я знал, каково футболисту быть объектом такого внимания. В 2005 году, через несколько месяцев после того, как я привел «Ливерпуль» к победе в Лиге чемпионов, Жозе Моуринью подошел ко мне вплотную, уговаривая уходить. Я был на грани того, чтобы согласиться и подписать контракт с «Челси», когда, неожиданно почувствовав, что мне неприятно думать, что я бросаю «Ливерпуль», даже после всех этих ненужных сложностей с новым контрактом, я принял решение, о котором ни разу не пожалел. Я связал себя с «Ливерпулем». Предложения продолжали поступать. Когда я показывал лучшую игру – пожалуй, в 2006-м и даже в 2009 году, – подворачивалось несколько крупных возможностей уйти: снова в «Челси», дважды в «Реал Мадрид», причем второе предложение было более соблазнительным, потому что я опять же был нужен Моуринью. Играть за Жозе в белой футболке «Реал Мадрида» на стадионе «Бернабеу»? Только благодаря «Ливерпулю» я смог вновь сказать «нет».

Даже после Евро-2012, когда я провел свой самый ровный турнир за Англию и меня включили в команду, которая поедет на чемпионат в Польшу и Украину, мюнхенская «Бавария» держала связь с моим агентом. Они хотели знать, интересно ли мне будет перейти к ним. Это было тем летом, после которого начался сезон их восхождения, когда они под руководством Юппа Хайнкеса сделали трепл, победив дортмундскую «Боруссию» в финале Лиги чемпионов на «Уэмбли» в мае 2013 года. Возможно, я мог бы стать частью этой команды, но я принял свое решение восемь лет назад, когда отказал «Челси». Я знал, что никогда не смогу оставить «Ливерпуль». Пока я играю в футбол в Европе, я останусь игроком одного клуба.

И все же я понимал, каково это, когда тебе льстят и за тобой охотятся. Моуринью, которым я так восхищался как тренером, помимо прочего, говорил о том, чтобы попытаться подписать для меня контракт с миланским «Интером» – это было в том сезоне, когда они выиграли Лигу чемпионов. «Барселона» явно шныряла вокруг меня, что-то вынюхивая, но я уверен, что они были не особенно заинтересованы. Думаю, им тоже было известно, как сильно я привязан к «Ливерпулю».

МОУРИНЬЮ, КОТОРЫМ Я ТАК ВОСХИЩАЛСЯ КАК ТРЕНЕРОМ, ПОМИМО ПРОЧЕГО, ГОВОРИЛ О ТОМ, ЧТОБЫ ПОПЫТАТЬСЯ ПОДПИСАТЬ ДЛЯ МЕНЯ КОНТРАКТ С МИЛАНСКИМ «ИНТЕРОМ» – ЭТО БЫЛО В ТОМ СЕЗОНЕ, КОГДА ОНИ ВЫИГРАЛИ ЛИГУ ЧЕМПИОНОВ.

Разумеется, футболисту из Южной Америки почти невозможно устоять перед искушениями, которые предлагает «Барселона» или «Мадрид». Но «Арсенал»? Если бы Луис ушел из «Ливерпуля» в «Арсенал», мое сердце было бы разбито.

Сначала я не вмешивался, потому что Брендан был полностью поглощен этим делом. Они с Луисом все еще вели переговоры. В конце концов, с меня хватило Фернандо, когда я изо всех сил старался удержать его в «Ливерпуле», – я больше не хотел вмешиваться в эти дела. У меня были и другие заботы: моя собственная игра, моя капитанская должность, ответственность перед остальными тридцатью игроками основного состава.

Благодаря своему длительному пребыванию в «Ливерпуле» я, пожалуй, отличался от всех остальных капитанов футбольных команд – разумеется, в Премьер-лиге. Футболисты «Ливерпуля» всегда знали, что могут обратиться ко мне, поэтому приходили со своими заботами и сомнениями, а я пытался помочь каждому из них. Я ощущал груз своей ответственности. Называть его бременем было бы неправильно, потому что чаще всего я считал это честью. Всякий раз, когда я заходил в «Мелвуд», я видел выгравированное на стене высказывание Билла Шенкли, величайшего из наших тренеров. В этой фразе – суть Шенкли и любого, кто поддерживал его, ведь каждый день нам напоминали, что он как-то сказал:

«Я хочу, чтобы меня запомнили прежде всего как человека бескорыстного, который беспокоился и прилагал все усилия для того, чтобы другие могли разделить его торжество, и который собрал целую семью, все члены которой могут, высоко подняв голову, сказать: «Мы – «Ливерпуль»!»

Билл Шенкли превратил «Ливерпуль» из футбольного клуба второго дивизиона в европейского гиганта. Он привил в клубе ценности, которые мы заботливо храним. Я был рядовым игроком. Но я понимал, что он имел в виду, говоря эти слова. Это была идея, идеал, которому я изо всех сил старался соответствовать на своем более скромном месте в самом сердце клуба. И поэтому в течение последних чуть более десяти лет в «Ливерпуле» на мне лежала большая ответственность. Я чувствовал, что должен поддержать наших потрясающих болельщиков, а это по большей части заключалось в том, чтобы постараться удержать звездных футболистов – будь это Торрес или Суарес. Мне пришлось и помогать тренеру, выслушивая при этом и футболистов, которые зачастую были не просто товарищами по команде, а друзьями, которые обращались ко мне за поддержкой в своей борьбе с клубом. В этом-то и была сложность. Это было очень тяжело, хоть и несравнимо с той трудной задачей, которую Шенкли преодолел в 1960-х.

За четыре года мне пришлось столкнуться с этой эпопеей по передаче игроков дважды. В обоих случаях я сделал все, что от меня зависело, чтобы удержать Фернандо и Луиса, – и не только потому, что это-то и требовалось «Ливерпулю». Исходя из эгоистических соображений, я знал, что мне как футболисту и как капитану будет гораздо проще, если они будут на нашей стороне. Я понимал, что в 2013–2014 году без Луиса нас ждет еще один посредственный сезон. С ним же, по моему твердому убеждению, мы могли бы улучшить свой результат и вместо седьмого места постараться занять место в четверке лидеров. Мы бы претендовали если не на соискание титула, то на участие в Лиге чемпионов, ведь я знал, сколь много он дал «Ливерпулю».

Я проиграл сражение, в котором Торрес ушел в лондонский клуб, и не мог позволить себе потерпеть такое же поражение с Суаресом. И эта ответственность действительно лежала на мне, потому что Луис относился ко мне не так, как к Брендану или Fenway. Он смотрел на меня так, что я начинал верить: мне есть с чем поработать, огонек надежды. Луис разговаривал со мной и слушал. Без этой связующей нити мы его потеряем, а без Суареса мы вновь окажемся на дне. Других вариантов нет. Мне придется вмешаться. Придется постараться изо всех сил и найти решение. Вот это был переплет.

Раньше жизнь была гораздо проще. Я еще ясно вижу перед собой самую счастливую пору в футбольной карьере. Это было больше чем полжизни назад, в 1996 году, когда мне было шестнадцать. Первые два года обучения в молодежной команде в Мелвуде я провел, надраивая полы, начищая ботинки и надувая мячи в перерывах между футбольными матчами, матчами и матчами.

Это был рай. Если бы я мог вернуться в какую-то пору своей карьеры, то именно в те два года. Тогда не было ни ответственности, ни давления, и все мы сходили с ума по футболу. Кроме того, благодаря пребыванию в молодежной команде мне удалось избежать утомительной старой доброй школьной нудятины. Теперь я знал, что мне и правда следовало

бы учиться усерднее, потому что у меня были и возможности, и способности для гораздо больших успехов. Однако тогда я был не большим любителем школы. Небольшие успехи у меня были, но мне следовало больше стараться. Я предполагал, что меня ожидает контракт профессионального футболиста. И в ту пору, проведенную в молодежной команде, я как следует распробовал, каково это – играть в футбол за деньги. Каждый день из угнетающей меня школы я отправлялся в Мелвуд работать на свой любимый клуб в окружении своих героев. Каждое утро на Блубелл-лейн я садился в автобус до тренировочной площадки «Мелвуд» в Уэст Дерби. А если я вставал слишком поздно (чего почти не бывало, ведь я был так увлечен), мне приходилось ехать с пересадкой на двух автобусах. Со своим жалованьем в 47,5 фунтов в неделю такси я себе позволить не мог.

Я вспомнил эту цифру, когда в 2014 году я отказался от предложения в 13,5 миллионов евро чистыми за двухлетний контракт в Катаре. Томми Калшоу, профессиональный футболист, играющий первый год, иногда подвозил меня на тренировку и обратно на своем «Форде Эскорт». Он никогда не брал с меня денег за бензин. Томми очень выручал меня, мы и до сих пор дружим. В Академии нам платили только раз в месяц, но моим родителям, Джули и Полу, выдавали еще 40 фунтов на мои расходы. Мои мама и папа, которые всю жизнь во всем поддерживали меня, отличались щедростью. Если дома я хорошо вел себя, они отдавали мне все 40 фунтов моего еженедельного содержания. Эти небольшие поступления от «Ливерпуля», а также от мамы и папы, пожалуй, значат для меня больше, чем десятки тысяч фунтов в неделю, которые одаренный подросток может заработать своей игрой в наши дни.

В конце месяца, в день выплаты, я отправлялся в город, чтобы купить себе новый спортивный костюм или кроссовки. Тогда я, бывало, ходил в «Макдоналдс». В результате три с половиной недели мне приходилось сидеть без гроша, но мне было все равно. Меня поддерживал футбол.

В ту фантастическую, безумную пору со мной была пара моих ближайших друзей. Баво (Ян Данбавин) и Богго (Джон Богган) долгое время были моими приятелями. Сейчас мы видимся уже не так часто, но Богго был шафером на нашей с Алекс свадьбе. С Баво мы сейчас ближе, чем когда-либо. Он попал в Академию в двенадцать, на четыре года позже меня, но мы сразу же понравились друг другу. Баво тогда отвечал за оборону. Впоследствии он стал вратарем в «Аккрингтон Стэнли», а теперь тренирует юных вратарей в Академии «Ливерпуля» в Кёркби. По-моему, стыдно, что сейчас ребята из Академии ведут столь легкую жизнь, далекую от забот основного состава. Я считаю, что они должны базироваться в Мелвуде, как мы в первый год обучения, чтобы им было хорошенько видно, какого режима тренировок приходится ежедневно придерживаться новым звездам «Ливерпуля», Джордану Хендерсону и Филиппе Коутиньо. Чутьочка подобной отдачи (и волшебства) может сказаться на парнишке из Академии и существенно повлиять на него.

Еще мне жаль их: ведь от того, что их гораздо больше балуют и им не приходится выполнять такую грязную работу, какую делали мы в Мелвуде, они лишаются тех самых безумных деньков, какие бывали у нас, когда мы надраивали и начищали полы. Кроме Богго и Баво, в нашу компанию входили Нейл Грегсон (Грегго), Мэтти Касс, Стефен Райт (Райти) и Майкл Оуэн, вундеркинд, которого от славы на чемпионате мира в составе сборной Англии отделяло лишь несколько лет. Зато Майкл был всегда готов вместе пообедать и посмеяться.

Мы были футбольной шпаной, которая частенько издевалась над могучим Доном, дюжим и сильным воспитателем в Мелвуде. В то время мы думали, что отравляем Дону жизнь – это казалось забавным. Но на самом деле все было иначе. Дон был нестигаем. Мы всячески разыгрывали его: выливали воду на его пакетики с чаем, выключали весь свет, бросались в него чем попало. Мы считали, что терроризируем его и доводим до белого каления, однако Дон не сдавался, и мы выполняли всю черную работу, без которой не обойтись в грязный и морозный зимний день. И он следил, чтобы мы делали ее хорошо, даже если мы

напрыгивали на него сверху, сваливая его, самого сильного человека в Ливерпуле, на землю. Мы ухохатывались, а Дон лишь поднимался, бранясь чуть подольше, и гнал нас выполнять следующую повинность.

В ту пору все дети были британцами, не то что сейчас. У нас была общая культура, язык и манера угорать. Мы перебрасывались шутками, и я обожал все наши розыгрыши: то мы разрезали одежду одного из своих товарищей, то они отыгрывались на нас. Всего двадцать ребят в одной раздевалке, и все получают по 250 фунтов в месяц. У всех – ни гроша в кармане, зато ни малейшего давления и ответственности.

По выходным мы не могли дожидаться, чтобы вновь выбежать на поле в составе юношеской команды «Ливерпуля» и от души сыграть против «Эвертона», «Манчестер Юнайтед» или других наших соперников. Еще в молодежной команде я без всякого зазнайства заметил, что наряду с Майклом я – лучший в группе. Майкл был на полгода старше меня, и, когда он начал играть в основном составе, я почувствовал лишь большую уверенность. Я видел, какие успехи делает Майкл с самого начала, и убеждался, что придет и мой черед. Благодаря этой уверенности я расслабился и по-настоящему наслаждался обучением. Все время, пока мы выполняли задания и хохотали, я мог мечтать о том, как играю в футбол.

Трое футбольных тренеров, изменивших меня, – это Стив Хэйвэй, легендарный футболист «Ливерпуля», Дейв Шэннон и Хью Маколей. Они показали мне, как действуют в «Ливерпуле», а в Академии они вселили в меня веру в то, что я могу стать профессиональным футболистом. Нас с Райти из-под их начала пригласили начать тренировки с основным составом.

Джон Барнс, кумир, которому я поклонялся на Айронсайд, все еще играл: его десятилетнее пребывание в «Ливерпуле» подходило к концу. Когда-то я представлял, что я – Джон Барнс, а теперь я и вправду пытаюсь выбить у него мяч. Но Диггер, как все его называли, всякий раз надувал меня. Мне никогда не удавалось выключить Джона Барнса из игры или остановить его. Мое обожание превратилось в восхищение его невероятным мастерством.

Не многим больше мне повезло и с Джейми Реднаппом. Он был слишком хорош. Кроме того, Джейми был добр и часто отводил в сторонку, чтобы либо похвалить, либо предложить способ играть лучше в качестве юного полузащитника. Порой он подбрасывал мне лишнюю пару новехоньких бутсов «Mizuno».

Еще один герой, ставший совсем настоящим, – это Робби Фаулер. Я благоговел перед Робби и Стивом Макманаманом из-за их мастерства и достижений, а еще из-за того, что они из Ливерпуля. Одной из моих обязанностей было дожидаться их у дверей раздевалки основного состава, чтобы они подписывали плакаты, футболки и мячи, которые затем отправляли по местным больницам и школам или распродавали на благотворительных аукционах.

В Академии я был настоящим проказником, но я старался никогда не выглядеть кретином перед Фаулером или Макманаманом. Я их боготворил, надеясь, что однажды смогу стать таким же, как они – мальчишкой из «Ливерпуля», делающим голевые передачи и забивающим голы перед Копом.

Доминик Маттео, шотландец шестью годами старше меня, появился в «Ливерпуле», приехав из Дамфриса, в 1992 году. Через четыре года он попал в основной состав как защитник, а на Рождество 1996 года, к моему удивлению, подарил мне 200 фунтов. Все эти авторитетные футболисты из «Ливерпуля» научили меня многому, что касается щедрости в отношении молодых ребят, которые приходят.

Футбол, звезды основного состава и шутки с товарищами всегда значили для меня больше, чем деньги. Даже скучная и вонючая работа превращалась в необузданное веселье. Как еще нам было реагировать, когда каждое утро в Мелвуде мы получали задание накачивать мячи? Ронни Моран, этот великий тренер «Ливерпуля», штрафовал нас, если все до одного мячи не были накачаны идеально. Поэтому мы качали, и качали, и качали, сидя в

комнате для хранения мячей и скуля от смеха, потому что всякий раз нам приходилось переживать очередной выхлоп Джо Корригана. Именно в этот утренний час Большой Джо устраивался на толчке. Кабинка прямо рядом с комнатой для мячей была его любимой. Должно быть, Джо, тренер вратарей, в 1970-х годах знаменитый голкипер «Манчестер Сити» и сборной Англии, обожал отруби. Он отличался таким же постоянством, как и мы – в своих попытках выдать самую смешную остроту. Накачивая футбольные мячи, мы слушали, как точный, словно часы, Джо отправлял на горшке свой ритуал, и – что причиняло нам гораздо больше неудобств – рисковали задохнуться в мощных облаках газов, которые он выпускал. Этим помещением пользовалось шестеро человек, поэтому Джо, возможно, был не единственным, кто испражнялся по утрам. Подбираться ближе и выяснять мы не пытались. Мы лишь не переставали хохотать и накачивать, накачивать и хохотать по мере того, как чрезвычайно пахучий туман опускался на мелвудскую тренерскую.

Совсем иной туман окутывал летом 2013 года футбольный мир. Не намечалось ни Кубка мира, ни чемпионата Европы, чтобы отвлечь всех в эти долгие недели межсезонья, – и все продолжалось и продолжалось нудное перемалывание домислов о переходе. Брал ли ты газету, включал ли телевизор или слушал радио – повсюду были последние сплетни и слухи. Это было лето Гарета Бэйла, Уэйна Руни и, к моему огорчению, Луиса Суареса.

Бэйла, который, без преувеличения, провел выдающийся сезон за «шпоры», подкармливал «Реал Мадрид». Все знали, что в конечном счете он перейдет к ним за сумму в более чем 85 миллионов фунтов, но для получения такой суммы за переход «шпоры» готовы были затягивать дело столько, сколько потребовалось бы, чтобы достигнуть этой безумной цифры.

Руни же втянули в такого же рода эпопею, какие я помню с той поры, когда я разрывался между «Ливерпулем» и «Челси» с Моуринью. Тем летом Моуринью вернулся на «Стэмфорд Бридж», проведя долгие годы за пределами Англии, когда он тренировал «Интер» и «Реал Мадрид». Руни, как и меня, соблазняла мысль о том, что он будет играть за «Челси» для Моуринью. Ситуацию осложняло то, что они, казалось, не ладили с сэром Алексом Фергюсоном из «Манчестер Юнайтед». Эту неопределенность усугубила отставка Фергюсона в конце предыдущего сезона. Дэвид Мойес ушел из «Эвертона» и попробовал совершить невозможное: заменить Фергюсона в «Юнайтед». Мойесу, который в «Эвертоне» тренировал Руни, стоило держаться лучшего футболиста в Англии.

Я же был поглощен эпопеей с Суаресом. Она была гораздо более запутанной и мучительной, чем интермедии с Бейлом и Руни.

Луис Суарес, как нам всем к тому времени стало известно, прибыл с багажом. Куда бы он ни направлялся, его преследовали несчастья. В октябре 2011 года Суареса дисквалифицировали на восемь игр за расовое оскорбление в адрес Патриса Эвра в середине матча с «Манчестер Юнайтед». Луис все пытался оспорить свою виновность: и он, и «Ливерпуль» выражали свое недовольство в связи с длительностью дисквалификации. В конце концов мы с этим разделались. И тут, пока Суарес был в ударе, заколачивая голы на своем поле и играя от всей души, он вызвал еще больший переполох. 21 апреля 2013 года во время матча с «Челси» на стадионе «Энфилд» он укусил Бранислава Ивановича за плечо. Суарес обеими руками ухватился за руку защитника «Челси», а затем впился зубам в плоть Ивановича. Защититься было невозможно.

Когда Суареса отстранили на десять матчей (последние четыре в сезоне 2012–2013 года и первые шесть нового сезона, который грозно надвигался), «Ливерпуль» вновь заявил протест. Я предоставил клубу давать ему советы в надежде, что однажды Луис научится избегать неприятностей. Разумеется, если бы так плохо вел себя игрок менее одаренный и имеющий для нас как для команды меньшее значение, маловероятно, что ему бы оказывали такую поддержку. Я признаю это вовсе без гордости, но реальность профессионального футбола такова, что клубы готовы больше помогать тем игрокам, которые могут больше помочь

им. Этот бизнес бывает жесток. Что же касается лично меня, я недолго определялся: Луис нравился мне и как человек, и как футболист. Он жил ради своей семьи и ради футбола. Он без ума от Софи, его первой девушки, а ныне его жены, и своих детей. Если Луис не играет в футбол, то ему нужно к семье. Он просто-напросто живет их жизнью, и это очень трогает меня. Семья и футбол определяют и мою жизнь. Но я не такой, как Луис. Я оставался в «Ливерпуле» с восемью до тридцати пяти лет. У меня очень глубокая эмоциональная привязанность к клубу моего родного города, которой ему никогда не испытать. Луис переезжал из Уругвая в Голландию, потом в Англию, а затем в Испанию. Но я вовсе не считаю его наймитом. Мне он кажется просто человеком, который ради себя и своей семьи хочет играть в футбол на высочайшем уровне.

Все мы отправились выполнять свои международные обязанности, а затем у нас наступал летний перерыв. Даже за тысячи миль казалось очевидным, что Луис переживает из-за перехода. Я ничего не мог поделать – как и почти все остальные игроки, я читал газеты и просматривал последние футбольные новости со всего мира в Интернете. Невозможно было день за днем, неделя за неделей терять Луиса Суареса.

Началось все с интервью, которое 29 мая 2013 года Луис дал уругвайской радиостанции *Sport 890*.

– В «Ливерпуле» я счастлив. Я счастлив благодаря болельщикам, – начал Луис, – но я не готов и дальше терпеть английских журналистов. У меня контракт с «Ливерпулем», но отказать «Реал Мадриду» будет очень сложно.

На испанской радиостанции президенту «Реал Мадрида», Флорентино Пересу, дали послушать этот отрывок из интервью Суареса. И тот лишь еще подлил масла в огонь.

– Что ж, Суарес – великий футболист, как [Эдинсон] Кавани и [Роберт] Левандовски, – сказал Перес. – Мы не можем обсуждать игроков других клубов, но... если вы спрашиваете, нравится ли мне Луис Суарес, я отвечаю «да».

На следующий день я вздохнул с облегчением, потому что Перес вновь переключил внимание на другой объект Премьер-лиги:

– Бейл рожден, чтобы играть за «Мадрид», – заявил он, а «шпоры» готовились к мощной атаке «Реала» на их самого важного игрока.

В июне, перед товарищеским матчем Уругвая с Францией в Монтевидео, Суарес обратился с пресс-конференцией:

– Для меня наступил сложный момент. Английские СМИ относятся ко мне не очень хорошо. Из-за папарацци я не могу выйти в сад или пойти в супермаркет. Я уезжаю [из Англии] не из-за денег, а из-за своей семьи и репутации. Здесь мне больше некомфортно. Я ничего не имею против «Ливерпуля», но самое время сменить обстановку.

К началу июля «Арсенал» переключил свое внимание с аргентинца Гонсало Игуаина, основного нападающего, который вот-вот собирался покинуть «Реал Мадрид», на Суареса. Они предложили «Ливерпулю» 30 миллионов фунтов. Предложение было смехотворным по сравнению с 80 или 90 миллионами, которые «шпоры» просили за Бейла.

Первым серьезным звоночком для меня стало, когда Луис вновь заявил *Sport 890*.

– Нужно ценить это, – отозвался он о предложении «Арсенала». – Я начинаю верить в то, что смогу вернуться и там добиться успеха. Хорошо, что я все еще нужен ведущим английским клубам.

Его друг и партнер по нападению в сборной Уругвая, Кавани, заронил в мое сердце еще одно зерно тревоги:

– Луис должен играть в Лиге чемпионов. Могу сказать, что он действительно очень любит «Ливерпуль». Если бы они вошли в Лигу чемпионов, он бы и не подумал уходить. Но он знает, что сейчас он на таком этапе своей карьеры, когда нужно играть на высочайшем уровне.

22 июля «Арсенал» сделал свое оскорбительное предложение, назвав цену в 40 миллионов и один фунт стерлингов. Джон Генри, владелец клуба, был в ярости.

– Что они, по-твоему, курят там у себя в Эмиратах? – вопрошал он.

Мы встретились с Луисом во время предсезонного турне по Австралии и Индонезии. Было ясно, что ему не хочется туда ехать, даже если бы мировая мощь «Ливерпуля» вновь стала очевидной. Вид 96 000 болельщиков, поющих «Ты никогда не будешь один» перед товарищеским матчем «Ливерпуля» в Мельбурне, пробирал до глубины души. В Тайланде, где меня пригласили на встречу с королем, нас окружали толпы обожателей. Я выполнил все свои установленные этикетом обязанности, но голова моя была забита Луисом. Он разговаривал со мной с глазу на глаз и сказал:

– «Арсенал» удовлетворил требования условия освобождения, Стиви, но клуб не отпустит меня. Брендан и владельцы мне вралли.

Впервые он обратился напрямую ко мне, чтобы обсудить условия контракта или что-то по-настоящему серьезное, кроме футбола. До тех пор мы с Луисом лишь перебрасывались шутками или болтали о командах-противниках или отдельных игроках. Мы никогда не говорили с ним о финансовых делах или наших контрактах. Футболисты на самом деле никогда не говорят друг с другом о таких вещах.

Я оказался в чрезвычайно щекотливом положении. На первом месте всегда оказывалась моя преданность «Ливерпулю» и мое желание, чтобы Луис остался моим товарищем по команде. Но я вынужден был признать, что и с юридической, и с моральной точки зрения, пожалуй, неправильно отказываться продавать его. Поэтому я перевел разговор на Фернандо Торреса. Я сказал:

– Слушай, Луис, Фернандо был самым лучшим нападающим, какой когда-либо играл за «Ливерпуль», по количеству голов. И его обожали.

На стадионе «Энфилд» Фернандо боготворили столь беззаветно, что земля дрожала, когда пели посвященную только ему песню:

– По его нарукавной повязке ясно, что он из красных/Торрес, Торрес/На ней написано «Ты никогда не будешь один»/Торрес, Торрес/ Мы купили парнишку из солнечной Испании, мяч у него, и он снова забивает/ Фернандо Торрес – номер 9 в «Ливерпуле»!

Как только Торрес появился у нас, перейдя в 2007 году из «Атлетико Мадрид», фанаты-болельщики сразу же полюбили его как одного из нас. В первом сезоне игры за «Ливерпуль» он забил тридцать три гола и заслужил уважение, потому что на «Энфилде» существует традиция: влюбляться в звездного нападающего. И эта цепочка протянулась через всю мою болельщицкую жизнь: от Далглиша до Раша, к Олдриджу, Фаулеру и Торресу до Суареса. В конце концов Торрес забил восемьдесят один гол в 142 играх за наш клуб.

В «Ливерпуле» любили «Эль-Ниньо», и долгое время Фернандо отвечал им взаимностью. Я чувствовал то же самое, потому что в течение нескольких сезонов казалось, что, когда Фернандо в хорошем расположении духа, мы непобедимы. Позже все осложнилось. Мы больше не попадали в Лигу чемпионов, и Фернандо начал стремиться к переходу в «Челси». В «Ливерпуле» же не хотели совершать никаких сделок с «Челси». Они держались за Торреса так же отчаянно, как и я. Однако Фернандо добился перехода. Он обратился ко мне, чтобы попросить о поддержке при уходе из «Ливерпуля» – так он смог бы играть за «Челси». А я лишь ответил:

– Нет. Послушай, Фернандо, я не могу помочь тебе уйти. Мое положение не позволяет мне сделать этого, да я и не хочу. Я хочу, чтобы ты остался, потому что я прежде всего болельщик, а потом футболист и капитан этой команды. Я не буду помогать тебе, потому что не хочу, чтобы ты уходил.

Он покачал головой:

– Стиви, это в прошлом. Я должен уйти.

Я чувствовал, что в горле у него стоит ком. Его агент, женщина, которую я толком и не знал, целыми днями околачивалась в клубе. Поэтому я понимал, что Фернандо не вылезал из кабинета тренера, пытаясь добиться перехода. Мне было ясно, ему досадно, что так происходит. Но едва он произнес эти слова, я понял, что мы его потеряли.

В январе 2011 года Фернандо разбил сердца всех болельщиков «Ливерпуля», в том числе и мое, и перешел в «Челси» за рекордную в Великобритании сумму трансфера – 50 миллионов фунтов. В довершение всего, прибыв на стадион «Стэмфорд Бридж», он заявил:

– Я по-настоящему счастлив и уверен, что, придя в такой клуб, как «Челси», я сделал большой шаг вперед в своей карьере. Это – выдающийся клуб.

Это было плевок в душу каждого болельщика «Ливерпуля». У нас с Фернандо, разумеется, все отлично. Он хороший друг, и я знаю, что в последние годы у него были тяжелые времена. Если бы он мог вернуть ту пору, я думаю, он был бы немного осмотрительнее. Мы не раз болтали по телефону, и у меня сложилось впечатление, что задним числом он сожалеет об уходе из «Ливерпуля». Фернандо все еще по-настоящему любит этот клуб, но многие болельщики «Ливерпуля» долго ненавидели его. Они считали, что Торрес предал их. Это всегда чувствовалось, когда он возвращался сюда с «Челси».

Я спросил Луиса:

– Ты этого хочешь? После всего, что ты дал нашим фанатам и что они дали тебе? У тебя уйма времени, чтобы сначала выиграть кое-что и здесь. А потом можешь подумать и о переходе. Только не надо портить свои отношения с болельщиками, как Фернандо.

Я объяснил ему значение футболки с номером 9 на стадионе «Энфилд» и почему фанаты всегда, как ни перед кем другим, преклоняются перед нападающим. Они боготворят звездного игрока, нападающего, а поддержка, которую они еженедельно оказывают, просто невероятна.

Луис уже почувствовал эту любовь фанатов к себе. Но в нем все бурлило. У меня был один шанс из тысячи, но все же я верил, что есть кое-что, над чем мне можно поработать, раз уж я так сильно старался удержать его. Другие игроки тоже помогали: Лукас, Коутиньо, Хосе Энрике. Мы все пытались удержать его. Но по мере того как ситуация с «Арсеналом» обострялась, я утратил свое влияние. Раскол между Луисом и клубом, а в особенности между ним и Бренданом, превратился в пропасть.

Помимо тревоги за нашего лучшего футболиста, у меня в клубе были и другие неофициальные функции. За последние десять лет я взял на себя больше ответственности, чем положено капитану, и пытался уговорить кое-кого из выдающихся футболистов перейти в «Ливерпуль». Каждое лето повторялся один и тот же ритуал. Из клуба меня оповещали, на какой труднодостижимый объект они нацелились, а потом просили связаться с ним. В клубе считали, что просьба рассмотреть переход в «Ливерпуль» возымеет большее воздействие, если будет исходить от меня. Последним игроком в наших планах был Виллиан, бразильский полузащитник, перешедший из донецкого «Шахтера» в российский клуб «Анжи» из Махачкалы. В межсезонье мы уже упустили одну из своих основных целей: атакующего полузащитника Генриха Мхитаряна, футболиста из Армении, играющего за украинский «Шахтер». Мхитарян решил вместо «Ливерпуля» перейти в дортмундскую «Боруссию» – и я понимаю почему. Всего за несколько недель до того Дортмунд стал финалистом Лиги чемпионов, а «Ливерпуль» оказался за рамками европейского турнира. Погоня за Виллианом стала еще более напряженной. Брендан вместе с руководством клуба надеялся, что мне удастся убедить его. Кроме того, я знал: если бы мы заполучили Виллиана – а клуб готов был потратить 30 миллионов фунтов, – это бы доказало Луису, что мы настроены серьезно.

Отыскивая подходы к звездному игроку, с которым мы хотели заключить контракт, я следовал давно заведенному порядку. Я не звонил ему напрямую, а обязательно отправлял текстовое сообщение. Такой способ казался более вежливым: футболист мог прочитать мое

сообщение тогда, когда ему было удобнее всего. Звонить без подготовки казалось неправильным. С Виллианом я вернулся к обычной процедуре. Я поздоровался и понадеялся, что он не против пообщаться со мной напрямую. Я подчеркнул, насколько сильно восхищаюсь им как футболистом, а потом, упомянув, что мне известно, что из «Ливерпуля» уже разговаривали с его агентом, я использовал стандартную фразу: «Если вам нужно поговорить или задать какие-то вопросы, я к вашим услугам в любое время».

Это был первый ход в знакомой игре. Последовал ответ, и начался тот же привычный разговор. Виллиан поблагодарил меня, выдавая обычные фразы вроде: «Я бы мечтал играть за ваш клуб, Стивен, и т. д. и т. п., но в Лиге чемпионов участвуют и другие клубы, и мне нужно и с ними обсудить».

Я знал, что «шпоры» и «Челси» тоже чрезвычайно заинтересованы в Виллиане. Поэтому я ответил, что, разумеется, понимаю ситуацию, и тут же выступил со своей рекламной речью:

– Думаю, переход в «Ливерпуль» станет для вас большим шагом. Наши болельщики просто удивительны, у клуба есть история, и мы формируем отличную команду. Здесь вы сможете сделать что-нибудь значительное. Нам бы очень хотелось заполнить вас.

И говорил я серьезно, потому что в клубе обращались ко мне за помощью, только когда дело касалось игрока, которого я уважал. Но я всегда пытался убедить его со всей честностью и уважением и никогда не упоминал о финансовом положении футболиста или контракте, на который он сможет рассчитывать в «Ливерпуле».

Следующее текстовое сообщение от Виллиана было настолько само собой разумеющимся, что я мог бы написать его за него еще до того, как прочитал. Он повторил, что играть в одной команде со мной было бы круто, но «я не уверен, что «Ливерпуль» сможет обеспечить мне участие в Лиге чемпионов».

С этим не поспоришь. Я не мог гарантировать, что «Ливерпуль» попадет в Лигу чемпионов, ни Виллиану, ни кому-либо другому из десятков игроков, с кем я договаривался за многие годы. Я мог лишь подчеркнуть, что, когда он придет к нам, мы сможем сделать нечто особенное, а ему понравится играть для наших фанатов.

Это была игра в пинг-понг сообщениями, которые каждый раз почти не отличались друг от друга. Иногда игрок сообщал, что его жене или девушке очень нравится мысль о том, что они будут жить в Лондоне, Мадриде или Париже, а не в Ливерпуле. Мысль однозначно состояла в том, что в более крупных городах магазины моднее, а рестораны шикарнее, чем в Ливерпуле. Тогда я понимал, что это – гиблое дело.

Виллиан, наверно, тоже мечтал о Лондоне больше, чем о Ливерпуле. Мы его не заполучили, и какое-то время похоже было, что он собирается играть за «шпоры». Но старая добрая приманка в виде Лиги чемпионов и Жозе Моуринью сыграла свою роль, потому что в конце концов Виллиан оказался в «Челси».

По крайней мере, я подготовил свою текстовую скороговорку для следующего трансферного окна. Вот как повернулась моя жизнь в «Ливерпуле». Казалось, те безумно счастливые дни в «молодежке», когда я, хохоча, надраивал полы, остались далеко позади.

В субботу, 3 августа 2013 года, «Ливерпуль» организовал матч в мою честь. Собранные средства, сумма которых превысила миллион фунтов, пошли в мой фонд, который создан для помощи детям из неблагополучных семей. Мы играли с «Олимпиакосом», и они не взяли ни пенни за выход на поле. Их щедрость много значила.

Я забил свой так называемый «чудо-гол» в 2004 году именно греческим чемпионам – тогда я в последние несколько минут отборочного матча Лиги чемпионов с лету отправил в ворота двадцатипятиметровый великолепный гол. А значит, мы вышли в стадию матчей на выбывание, и поскольку в том сезоне мы и вправду выиграли Лигу чемпионов, «Олимпиакос» всегда занимал в моей карьере особое место.

Перед матчем в мою честь много говорили о том, что я был одним из последних и, пожалуй, самых известных представителей вымирающей породы – игроков одного клуба. До начала сезона 2013–2014 года у меня было 628 игр за «Ливерпуль» и 159 забитых мячей. Помимо Лиги чемпионов я выигрывал Кубок УЕФА, два Кубка Англии и парочку Кубков футбольной лиги. Я стал капитаном «Ливерпуля» десять лет назад, в 2003 году. Кроме того, в июне 2013 года я уже подписал продление моего нынешнего контракта еще на один год. А значит, я останусь в клубе по меньшей мере до лета 2015 года, когда будет подведен итог моему двадцатисемилетнему пребыванию в клубе «Ливерпуль».

Я был горд, но втайне переживал из-за Луиса и всего этого кошмара с переходом. На неделе, когда был матч в мою честь, мы снова разговаривали, и Луис сказал:

– Слушай, после игры я уже не вернусь, но в твоём матче я сыграю. Я хочу поучаствовать в нём ради тебя, Стиви.

Я не возражал, что он пропустит вечеринку. Луис никогда не ходит на тусовки, которые устраивает клуб. Он такой семьянин, что, едва заканчивается тренировка или матч, он мчится обратно к родным. Поэтому он никогда не ходил на обеды и ужины для команды. Я настолько уважал его как игрока, что мирился с его привычками. Но, кроме того, до начала матча в мою честь он признался, что чувствует обиду и замешательство. Сделку с «Арсеналом» отложили.

Луис сказал мне:

– Я понимаю, что фанаты сейчас слегка разочарованы мной. Но, когда я выхожу на поле и надеваю эту футболку, я отдаю болельщикам все. Я обычно в каждом сезоне выкладываюсь по полной, но чего я не выношу, так это когда мне лгут.

Не знаю, правда ли это. Я молился лишь о том, чтобы Луис остался. Когда он вышел на замену в матче с «Олимпиакосом», он получил восторженный прием и был «раздавлен». И все же через пару дней, в понедельник, у нас на «Энфилде» была открытая тренировка, и площадка была забита болельщиками. Луис и пальцем не пошевелил. Тогда-то и началась неделя, в течение которой он игнорировал тренировки. Он ничего не хотел знать, он был несчастен и кипел от гнева.

В среду, 7 августа, Луис дал Сиду Лоу из *The Guardian*, который впоследствии поможет ему написать автобиографию, скандальное интервью на испанском:

– В прошлом году у меня была возможность перейти в крупный европейский клуб [Ювентус], но я остался, понимая, что если в следующем сезоне мы не пройдем в Лигу чемпионов, то мне позволят уйти. Я лишь хочу, чтобы «Ливерпуль» соблюдал наш договор. У меня есть слово клуба, и у нас есть письменный контракт – и мы с удовольствием отнесем все это в Премьер-лигу, чтобы там разобрали это дело. Но мне не хочется, чтобы дошло до этого. Мне двадцать шесть лет. Я должен играть в Лиге чемпионов. Я ждал один год, и никто не может сказать, что в прошлом сезоне я не дал товарищам по команде все, что мог, чтобы мы оказались там. Говорят, что «Ливерпуль» заслуживает того, чтобы я дал больше. Но я забил пятьдесят голов менее чем за сотню матчей, и теперь они могут получить вдвое больше денег, чем клуб заплатил за меня. За последний год я несколько раз разговаривал с Бренданом Роджерсом, и он сказал мне: «Останься еще на один сезон, и даю тебе слово – если мы не сделаем это, я лично гарантирую, что ты сможешь уйти». Сейчас все изменилось. «Ливерпуль» носит репутацию клуба, который ведет себя как следует. Я лишь хочу, чтобы они сдержали обещания, данные в прошлом году.

Брендан и Джон Генри повторили, что не продадут Луиса – тем более «Арсеналу». Именно в это время Брендан изгнал Луиса на дальнюю площадку в Мелвуде. Ему запретили возвращаться к тренировкам, пока он не извинится перед клубом, болельщиками, командой и не согласится остаться в «Ливерпуле». Мне казалось, что Луис потерян для нас так же, как два с половиной года назад Фернандо.

Формби, Мерсисайд, четверг, 8 августа 2013 года.

Алекс приготовила мне чай. Она положила передо мной лосось, пасту и салат. Это – мое любимое блюдо. Но в тот вечер я устался на свою тарелку, испытывая тошноту. Трое девчонок с шумом бегали по дому – ведь они еще дети. Голова моя была готова лопнуть. Я не мог взяться за вилку с ножом. Еда оставалась нетронутой.

– Что случилось? – поинтересовалась Алекс. – У тебя что-то не так?

Я покачал головой. Мне казалось, будто я даже говорить не могу, не то что есть.

– Футбол? – спросила Алекс, оставив попытки немного уговорить детей. Алекс, как и все три моих дочери, невнимательно следит за футбольными событиями, но она слишком долго прожила рядом со мной, чтобы понимать, что хорошее или плохое настроение у меня почти всегда связано с игрой. Я переживал за «Ливерпуль»: и за клуб, и за команду. Я знал, что кое-кто из игроков думает лишь о собственной игре и держится за свое место в команде, но я стал таким благодаря десятку лет, проведенных в клубе своего родного города. Я чувствовал, что это мой долг – пытаться выручить клуб из любой беды, с которой он сталкивался на поле или за его пределами.

Я ДО СМЕРТИ УСТАЛ ОТ ВСЕХ ЭТИХ ТАЙНЫХ МАХИНАЦИЙ И АЛЧНЫХ МАНИПУЛЯЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ФУТБОЛЕ.

Порой я завидовал, что другим игрокам удается казаться такими беспечными. Кроме того, я знал, почему деньки, которые я провел в молодежной команде, отличались такой счастливой беззаботностью. Верните облака газов Большого Джо Корригана хоть сейчас. Я до смерти устал от всех этих тайных махинаций и алчных манипуляций в современном футболе. Конфликт развернулся в предсезонный период 2013–2014 годов. Это пошло вразрез с представлением о том, что август – самый оптимистичный месяц для любого футбольного фаната. Пора, когда еще ни в одном состязании не забит ни один мяч, должна быть полна надежд и мечтаний. Будет ли это такой сезон, какой по-настоящему оправдает страдания всех футбольных фанатов? Однако я, тупо глядя на свою тарелку, чувствовал полное отчаяние.

От нового сезона нас отделяли десять дней. Наш лучший игрок, которого уже отстранили от игры на следующие шесть матчей и которому клуб запретил тренировки, решительно настроился покинуть нас.

«Не могу есть, – думал я. – Мой мозг вскипает».

Я отодвинул тарелку с едой. Я больше не мог этого выносить – я достал телефон: мне нужно позвонить или написать Луису. Я решил отправить ему простое сообщение: «Луис, что происходит? Нам нужно с этим разобраться».

Он тут же написал ответ: «Слушай, приятель, тренер мне лжет, и в клубе мне врут».

Я послал ему еще одно сообщение: «Я хочу помочь с этим разобраться ради тебя и ради клуба».

От Луиса пришло несколько сообщений. Он был расстроен и, пытаясь выразить свое недовольство, стал изъясняться по-английски, даже в письменной форме, более коряво. Я отправил ему еще одно СМС: «Можем завтра поговорить? Встретимся завтра в Мелвуде пораньше?»

Увидев его ответ, я едва сдержал улыбку:

– ОК, Стиви.

Тем ранним утром в пятницу ливерпульский изгой и капитан команды вовсе не должны были оказаться вместе в Мелвуде. Луису не было велено появляться на тренировочной площадке раньше второй половины дня, когда вся остальная команда закончит тренировку. Но

мы чувствовали: очень важно пренебречь этим запретом и откровенно поговорить друг с другом. Я сообщил о своем плане тренеру.

Первым заговорил я.

– Слушай, – сказал я Луису, – я не буду помогать тебе уходить из клуба, потому что, по-моему, это неверное решение.

Луис молчал.

– Я буду честен с тобой, – продолжал я. – Тебе стоит остаться еще на год. Если ты будешь играть так же, как в прошлом сезоне, клубы, в которые ты действительно хочешь попасть, те, что смогут предложить тебе то, что ты по-настоящему заслуживаешь, придут за тобой.

– А что, если нет? – простодушно спросил Луис.

– А сейчас они заинтересованы в тебе?

– Ну, – отозвался Луис, – они разнюхивают. «Мадрид» переключился на Бейла, а «Барселона», думаю, еще не готова. Но они во мне заинтересованы.

Я сказал Луису, что, исходя из моего опыта, когда в «Мадриде» чего-то хотят, они всегда возвращаются за этим. С «Барселоной» то же самое. Если они сейчас в нем заинтересованы, то не утратят интереса и в следующем сезоне. Он должен мне довериться. Я бывал в его шкуре – с «Челси» и «Мадридом».

Я заговорил более откровенно:

– Я заинтересован только в том, чтобы ты не уходил в «Арсенал». Я не хочу играть против тебя. И я знаю, что у «Арсенала» будет преимущество перед нами, если ты уйдешь к ним. Это – чистая правда. Поэтому мне бы хотелось, чтобы и ты был честен со мной, Луис. Ты действительно хочешь уйти из футбольного клуба «Ливерпуль» и перейти в «Арсенал»? Или ты хочешь уйти из «Ливерпуля» и перейти в крупный футбольный клуб?

Луис колебался:

– Что ты имеешь в виду под крупным клубом?

– Ну, – сказал я, – когда общаешься с такими фанатами, как наши, это очевидно. Что до меня, то я бы на твоём месте ушел бы только в двух направлениях: «Реал Мадрид» или «Барселона». Я знаю, этого-то тебе и надо.

По молчанию Луиса я понял, что не ошибся. Я попал в точку. Он внимательно слушал.

– У меня была возможность уйти в «Мадрид», и я ее отверг, – объяснил я. – Но у меня другая ситуация. Для меня важнее играть именно для этих болельщиков в Ливерпуле, потому что это мои земляки...

Мой товарищ кивнул. Он понял, а я продолжал уговаривать. Я сказал, что, если бы я ушел в «Мадрид» или «Барселону», для меня это было бы более рискованно, потому что у меня молодая семья. Но я знал, что ему, как выходцу из Южной Америки, покажется, что он возвращается домой, особенно если он уйдет в «Барселону». Его жена много лет жила в Барселоне, и их дети говорят на испанском.

Я все время пытался преодолеть расхождение во взглядах. Я гнул свое.

– А если ты останешься с нами еще на один сезон, – продолжал я, – я уверен, наша команда станет сильнее «Арсенала».

Луис взглянул на меня.

– Слушай, дружище, – тут же заговорил я. – Ты просто не можешь уйти в «Арсенал». «Ливерпуль» да и наши фанаты этого не поймут. Тебе это тоже не нужно. Думаю, ты слушаешь неправильные советы, если кто-то продолжает говорить тебе, что в «Арсенале» тебе будет лучше.

Луис не возражал. Луис не говорил «я люблю «Арсенал» и хочу туда попасть» или «я думаю, это – выдающийся клуб». Он знал, что может мне доверять. Я изложил свой план: – Забудь про «Арсенал» и оставайся у нас еще на один сезон. Давай устроим в лиге настоящий

прорыв. А затем, когда «Мадрид» или, скорее всего, «Барселона» вернутся за ним, нам всем – уже точно – станет ясно, что «Ливерпулю» пора отойти в сторону.

Последовал еще один слабый кивок, но никто из нас пока не улыбнулся. Я спросил, можно ли мне устроить ему встречу с Бренданом. Луис протянул мне руку для рукопожатия.

– Ладно, Стиви, – сказал он.

Я отправил сообщение Брендану: «Я поговорил с Луисом начистоту. У меня такое чувство, что у нас есть с чем поработать. Но нужно найти правильный подход, потому что он зол. Вы можете встретиться с ним?» Брендан согласился, и я назначил время их встречи, но в тот же вечер Луис прислал мне сообщение. Он придет на встречу с Бренданом, только если я буду присутствовать.

– Луис хочет, чтобы я пошел с ним, – доложил я Брендану.

– Я тоже, – ответил тот.

Когда мы втроем встретились, то уселись на низкие кожаные кушетки в кабинете тренера. Было неудобно. Мы все улыбались друг другу, но улыбка Луиса, адресованная Брендану, была больше похожа на угрозу. Могу сказать, что Брендан поначалу был не вполне уверен, куда мы клоним. Я был полностью готов играть роль миротворца. Это был грандиозный момент.

Луис вот-вот собирался сказать то, что могло не понравиться Брендану. Он довольно часто сообщал мне, что, по его мнению, Брендан солгал ему. Но я не терял и надежды. Брендан – понимающий и любящий своих игроков тренер. Он – полная противоположность Рафы Бенитеса, который был моим тренером, когда мы добивались до финала Лиги чемпионов в 2005 и 2007 годах. Рафа – блестящий тактик, когда речь идет о победе в футбольных матчах, но он может проявлять ледяное равнодушие как человек. Мне нравилось то, что Брендан может быть душевным. Кроме того, я замечал, что до того, как они разошлись во мнениях по поводу перехода, Брендан относился к Луису и ко мне очень хорошо и проявлял к нам глубокое уважение. Я был капитаном клуба, а Луис Суарес – нашим основным игроком.

Начали мы неплохо – Брендан попадал в нужный тон – и быстро делали успехи. Я все еще беспокоился, что возникнут какие-нибудь неприятности, потому что я не знал, о чем говорилось на встречах с владельцами. Мне были неизвестны детали контракта Луиса. Но беседа в кабинете Брендана прошла так гладко, как только можно было надеяться. Мы договорились обо всем том, что мы с Луисом уже обсуждали. Брендан сказал, что хочет, чтобы Луис вернулся в команду, а Луис ответил обещанием, что будет как следует тренироваться. Мы вновь пожали руки после того, как Брендан пообещал, что он и с владельцами поговорит, и разберется с этой ситуацией раз и навсегда. Выходя из кабинета, я чувствовал себя великолепно. Казалось, будто у нас появился шанс вернуть все на свои места.

Окончательная проверка состоялась во время первой тренировки, когда Луис вернулся к основному составу, после нашего возвращения с международных соревнований. Луис только что прилетел из Японии, где играл в товарищеском матче за сборную Уругвая. Я был капитаном сборной Англии, с которой мы на той же неделе со счетом 3:2 обыграли шотландцев на «Уэмбли».

Я вновь переживал. Пока Луис был в отъезде, в СМИ появлялись противоречивые сообщения. Сначала я вздохнул с облегчением, когда Луис заявил уругвайской прессе, что в его намерениях произошли изменения:

– И сейчас, благодаря тому, что все так привязаны ко мне, я остаюсь в «Ливерпуле».

Но на следующий день, когда сборная Уругвая выиграла 4:2, издание *Kyodo News* опубликовало цитату, в которой Суарес отказался от предыдущего заявления:

– Я не говорил этого... может, это был кто-то другой.

Мне была нестерпима мысль о том, что я вновь увижу Луиса в одиночестве, через два поля от остальной команды, с явной обидой на лице.

Все были рады его видеть, особенно южноамериканские и испанские игроки. Луис и Лукас Лейва, наш опорный полузащитник из Бразилии, были двумя звеньями, спланивающими испанцев и выходцев из Южной Америки. Все они болели за Луиса и хотели, чтобы он вернулся в группу. У меня хватило ума понять, что все они ждут, когда я нарушу это противостояние. Но Лукас тоже сыграл огромную роль в том, что Луис остался. Лукас – выдающийся парень, и я обожаю его.

В ту пятницу, 16 августа 2013 года, тренировка началась рано утром. Я внимательно наблюдал за Луисом. После всех противоречивых сообщений у меня не было стопроцентной уверенности в том, что он свяжет себя с «Ливерпулем».

Но я ошибся: Луис бросился тренироваться как одержимый. Он бежал и на лету отбирал мяч, делал зигзаги и финты, опять бежал, словно хотел напомнить нам, как нам его не хватало. Такое желание и стремление, когда его талант проявляется еще больше, чем темп работы, – это невероятное зрелище. Мы с Бренданом все время многозначительно переглядывались, а иногда, наблюдая за ним, просто ухмылялись. Луис Суарес на месте. И «Ливерпуль», и я. Накануне нового сезона нас неожиданно вновь накрыло волной счастья и надежды.

Глава вторая. Череда сезонов

Двадцать пять лет назад, в августе 1988 года, расклад в английском футболе был совершенно иным. Когда я восьмилеткой пришел в Академию клуба, «Ливерпуль» был самым титулованным клубом Англии. В прошлом мае клуб в семнадцатый раз выиграл в первом дивизионе, обойдя «Манчестер Юнайтед», который оказался на втором месте, на девять очков. В сезоне также отличился «Челси», который закончил четвертым снизу и проиграл утешительный плей-офф с Миддлсборо. 28 мая 1988 года «Челси» вылетел из высшего дивизиона. Гораздо удивительнее было то, что ровно за две недели до того «Ливерпуль» проиграл финал Кубка Англии «Уимблдену». Это поражение со счетом 1:0 разрушило надежды «Ливерпуля» на вторую двойную победу в лиге и Кубке Англии за три сезона. Это кажется еще невероятнее, когда вспоминаешь, что с тех пор «Ливерпуль» завоевал только одно чемпионство, наше восемнадцатое, в 1990 году.

Премьер-лигу учредили в феврале 1992 года, и в то время в высшем дивизионе английского футбола не было иностранцев ни среди владельцев клубов, ни среди тренеров. Первым тренером-иностранцем в этой мятежной лиге летом 1993 года стал Осси Ардилес. Постепенно приток зарубежных игроков и тренеров увеличивался. Через пять с половиной лет я дебютировал в основном составе за «Ливерпуль», когда вышел со скамейки запасных и заменил Вегарда Хеггема, игрока сборной Норвегии, на непривычной для меня позиции – правого защитника.

До начала этого сезона в «Ливерпуль» пришел Жерар Улье, бывший тренер национальной сборной Франции, чтобы работать вместе с Роем Эвансом, одним из старых членов неофициального клуба тренеров *Boot Room*. К середине ноября Жерар остался единственным тренером и дал мне шанс. 29 ноября 1998 года, когда я, дрожа, стоял у боковой линии на восемьдесят пятой минуте матча, Жерар, один из приятнейших людей, каких я встречал в футбольном мире, сказал мне несколько слов. «Ливерпуль» выигрывал у «Блэкберн Роверс» со счетом 2:0 после голов Пола Инса и Майкла Оуэна.

– Не дай нам упустить мяч, – спокойно наставлял меня Жерар. – Удерживай свою позицию, дождись завершения матча.

Мне удалось выполнить одно осторожное касание, простой пас товарищу по команде, а затем еще один. Потом, в единственном активном эпизоде с моим участием, я попытался осуществить прострельный пас в штрафную площадку после того, как Инси отдал мне мяч направо. Я отправил снаряд с такой силой, что он чуть не улетел на трибуну Сентенари. Казалось, Инси хотел прикончить меня.

Под руководством Жерара я тринадцать раз выходил на поле за свой дебютный сезон в «Ливерпуле». Где-то там события развивались намного более бурно, и к концу сезона 1998–1999 года «Манчестер Юнайтед» сделал уникальный «требл»: выиграл Премьер-лигу, Кубок Англии и Лигу чемпионов. Чтобы стать королем Европы, «Юнайтед» восемьдесят пять минут гонялся за мюнхенской «Баварией», забив два мяча в добавленное время.

В течение двух последующих сезонов «Манчестер Юнайтед» собрали хет-трик титулов Премьер-лиги – на втором месте всякий раз оказывался «Арсенал». Борьба Алекса Фергюсона и Аресена Венгера была в самом разгаре, но все еще оставался жидкий лучик надежды, что гонка ливерпульцев за победой в лиге может вновь завершиться успехом. Под руководством Жерара мы и сами сделали требл в сезоне 2000–2001 года, выиграв Кубок Английской лиги, Кубок Англии и Кубок УЕФА, благодаря чему я завоевал первые трофеи как профессиональный футболист. Кроме того, в тот год мы еще завершили чемпионат трети.

Год спустя на втором месте оказались мы, на семь очков отстав от «Арсенала». В следующем сезоне, в 2002–2003 годах, «Юнайтед» вновь стали чемпионом с «Арсеналом» на втором месте, а «Ливерпуль» скатился на пятое. «Челси» опередили нас, завладев местом, дающим дорогу в Лигу чемпионов.

Тогда-то, летом 2003 года, в Премьер-лиге все изменилось навсегда. «Челси» купил русский миллиардер Роман Абрамович. Потрясение было невероятным. Но это было лишь началом нашествия из-за границы толстосумов, захвативших контроль над Премьер-лигой. Вскоре все стало еще хуже, гораздо хуже. И для «Ливерпуля», и для меня.

Я сохраняю спокойствие, когда фанаты противников напоминают мне, что за семнадцать сезонов в «Ливерпуле» я ни разу не брал медали победителя лиги. Но теперь я могу сказать, что по крайней мере один титул для «Ливерпуля» я не выиграл главным образом по двум причинам: Роман Абрамович в «Челси» и шейх Мансур в «Манчестер Сити».

Признаюсь, стоит и на себя посмотреть и согласиться, что, если бы мы с командой играли лучше или если бы мы провели тот или иной момент иначе, а еще если бы нам чуть-чуть улыбнулась удача, у нас могло бы получиться. Но то, что иностранцы завладевали футбольными клубами, за последний десяток лет оказало большое влияние на ситуацию в Премьер-лиге.

Еще свежи воспоминания о том, как Абрамович появился в «Челси». Мне едва исполнилось двадцать три года, и я знал достаточно и о футболе, и о финансах, чтобы, едва эти новости просочились, я лишь выругался вслух. Сначала думаешь: «Сколько это будет продолжаться? Может, ему надоест, или это всерьез?»

Но пошел второй сезон. Абрамович все еще на месте. В мае 2004 года он назначает одного из лучших молодых тренеров в мире, Жозе Моуринью, который только-только выиграл Лигу чемпионов с «Порто». Жозе вплыл в Лондон, называя себя «Единственным». Сердце у меня слегка ушло в пятки.

Можно возразить, что у Моуринью аура победителя и его поддерживает владелец клуба с глубочайшими карманами в мире футбола. Тут есть от чего опустить руки. На моем месте вы бы тоже огорчились, если бы речь шла о победе в лиге, до которой вам так чертовски далеко. Кроме того, я знал, что нам почти наверняка придется биться с «Челси» и Романом Абрамовичем, чтобы добиться и любых других трофеев, вне Премьер-лиги.

Я не мог примириться с этим. Мы в «Ливерпуле» всегда изо всех сил боролись, чтобы прижать «Юнайтед». А еще нужно было разбираться с «Арсеналом». В 2001 году, когда их команда «Непобедимых» уже начала формироваться, мы увели у них из-под носа Кубок Англии. Мы одержали волевою победу, а Майкл Оуэн забил два мяча в последние семь минут. «Арсенал» – выдающаяся команда, но мы их обчистили и отправились домой с четвертым для меня серебряным сувениром. Тогда английский футбол все еще казался довольно доступным.

В 2003–2004 году, в первый сезон с Абрамовичем, «Арсенал» дал ему самый достойный ответ, какой только можно, одержав победу в лиге без единого проигрыша. Это произвело глубокое впечатление. «Челси» оказались на втором, а «Юнайтед» – на третьем месте. Мы, к сожалению, были четвертыми, уступая, к нашему стыду, тридцать очков «Арсеналу».

В мае 2004 года Улье покинул клуб, а его место занял Рафа Бенитес. Тогда мы вновь обрели настоящую веру, потому что Рафа был превосходным стратегом. Он совсем недавно, во второй раз за время своего тренерства, привел «Валенсию» к двойной победе – в Лиге Европы УЕФА и в Ла Лиге, – оставив позади «Реал Мадрид» и «Барселону».

В следующем сезоне в английском футболе произошли грандиозные изменения. После длительного поединка между Фергюсоном и Венгером Моуринью и Бенитес затеяли еще более интересное и захватывающее сражение. В первый сезон Рафы мы выиграли Лигу чемпионов, но в чемпионате мы не являлись лучшей командой даже в своем родном городе.

Чемпионами были «Челси», которые обошли «Арсенал», «Манчестер Юнайтед» и «Эвертон», опередивший нас на три очка и занявший четвертое место.

Погоревав поначалу, глядя на союз Моуринью с Абрамовичем, мы были готовы потягаться с «богатенькими буратинами». В феврале 2005 года мы проиграли «Челси» в финале Кубка Английской лиги – я тогда забил гол в свои ворота. Но перспектива встретиться с ними в первый сезон Моуринью в полуфинале Лиги чемпионов вовсе не пугала нас. Всего за несколько часов до первого матча на «Стэмфорд Бридж» мне удалили болезненный, заполненный гноем абсцесс во рту, но я все же играл. Матч был оборонительным, что едва ли удивительно, когда у руля Моуринью и Бенитес, и нас вполне устраивал счет 0:0.

Домашний матч, который проходил 3 мая 2005 года на «Энфилде», называли встречей сельского клуба с клубом миллиардеров, и благодаря поддержке ливерпульских фанатов атмосфера была незабываемой. Пожалуй, это была самая громкая игра за всю мою карьеру, и на четвертой минуте Йон Арне Риисе выполнил проброс между ног Фрэнка Лэмпарда и со всех ног помчался вдоль боковой. Он послал передачу, которую я ловко перебросил Милану Барошу. Петр Чех на воротах «Челси» повалил своего земляка. Пока мы громко требовали пенальти, подоспевший Луис Гарсия резко направил мяч к воротам «Челси». Вильям Галлас выбросил его, едва он, казалось, пересек линию. Раздался свисток – все мы были озадачены. Наконец, мы поняли, что арбитр, Михел Любош, указывает на среднюю линию поля. Гол засчитали.

КОГДА 1 СЕНТЯБРЯ 2008 ГОДА ОБЪЯВИЛИ О ТОМ, ЧТО АБУ ДНАВИ UNITED GROUP КУПИЛА «МАНЧЕСТЕР СИТИ», МЕНЯ УЖЕ НЕ ТАК ВЫВЕРНУЛО, КАК ОТ НОВОСТЕЙ ОБ АБРАМОВИЧЕ.

«Челси» – в ярости, а больше всех Моуринью. Он бушевал по поводу «гола-фантома», не раз припоминая его еще лет десять, но результат ему было не изменить. В своих протестах они не упоминали того, что Чеха следовало бы удалить за грубую игру в отношении Бароша. В «Челси» осталось бы только десять игроков, и нам бы назначили пенальти. Но суть-то в том, что мы разбили «Челси» со счетом 1:0 и протиснулись в финал Лиги чемпионов. В тот год они понесли рекордные убытки – 140 миллионов фунтов, но, похоже, это не имеет значения, раз Абрамович может все купить.

На протяжении всего сезона тягаться с деньгами Абрамовича и его «Челси», пожалуй, было бы тяжело. Но в двух яростных матчах мы показали, что способны разгромить их. Рафа сообщил прессе, что перед игрой «я заглянул в глаза Стивена и увидел в них решимость». Он не ошибся. Я горел желанием разнести «Челси» и выиграть в Лиге чемпионов за «Ливерпуль», клуб, в котором выступления на европейской арене имеют огромное значение для каждого, кто любит свою команду. Все мы были к этому готовы.

Лига чемпионов давала нам надежду на то, что даже миллиардам Абрамовича Рафа может противопоставить команду, которая может завершить один сезон с превосходством над «Челси», даже если те каждое лето тратят по 100 миллионов фунтов на новых игроков. Рафа сделал это, и в мае 2009 года мы завершили сезон с превосходством над лондонцами. Хотя «Манчестер Юнайтед» и победил нас на пути к титулу, но мы по крайней мере доказали себе, что можем заработать за сезон больше очков, чем «Челси».

Но тут откуда ни возьмись объявился арабский принц и нарушил равновесие сил. Снова мультимиллиардеры повсюду.

Когда 1 сентября 2008 года объявили о том, что Abu Dhabi United Group купила «Манчестер Сити», меня уже не так вывернуло, как от новостей об Абрамовиче. Вместо этого я мрачно подумал: «Почему бы им просто не прилететь в Ливерпуль и не сесть на «Энфилде»?»

Некогда нашим клубом владела одна местная семья. В 1991 году Джон Мурс передал контроль своему племяннику, Дэвиду. Дэвид Мурс – настоящий джентльмен, которого я уважал и любил. Но никуда не деться: денег, чтобы тягаться с такими, как Абрамович, у него не хватало, и он подтвердил это в 2004 году, выставив клуб на продажу. Дэвид знал – чтобы клуб поднялся на новый уровень, нужны свежие финансовые вливания. У него хватило откровенности признаться мне в этом.

В мои капитанские обязанности входили в том числе и переговоры с новыми потенциальными владельцами клуба. Одна компания, Dubai International Capital, проявила серьезную заинтересованность в покупке клуба, но в январе 2007 года они отказались от своего предложения. Внимание переключилось на двух американцев, Тома Хикса и Джорджа Джилета, которые в конце концов и купили клуб 6 февраля 2007 года. Я много раз встречался с ними, и поначалу мне казалось, что все развивается исключительно к лучшему. Я позволил себе пометать, что нам, наконец, удастся потягаться с Абрамовичем.

Но Рафа полтора года воевал с ними, а вскоре Хикс с Джилетом стали воевать друг с другом. Вся эта неразбериха закончилась в суде. Мечты превратились в кошмар, а я вздохнул с глубоким облегчением, когда в 2010 году на смену обреченному дуэту Хикса и Джилета пришла компания Fenway Sports Group, основанная совершенно иного рода парой американцев – Джоном Генри и Томом Вернером.

В начале сезона 2013–2014 года, даже после трех лет стабильности под контролем Fenway, состязаться с Абрамовичем и Abu Dhabi все еще чрезвычайно непросто. Нелегко пытаться одолеть пару олигархов.

Первым под иностранный контроль попал «Манчестер Юнайтед». Малкольм Глейзер с семьей приобрел у электростанции в Тампе первые акции «Юнайтед» в 2003 году. Когда Глейзеры затянули мертвую петлю, в конце концов полностью выкупив «Юнайтед» и набрав игроков в аренду, среди болельщиков поднялась волна гнева. Можно понять, почему их бесило, что клубу приходится выплачивать проценты в размере миллионов фунтов по займам Глейзеров – так они создали порочный пример, который повторяют Хикс с Джилеттом. В этом состояла вся суть изменений, происходящих в английском футболе. Но я никогда толком не задумывался о Глейзерах и «Манчестер Юнайтед». Мне неинтересно, как они ведут свои дела. Они меня вовсе не интересуют. Если я беру газету или выхожу в Интернет и читаю о футболе, я всегда пропускаю любые статьи о Глейзерах, Абрамовиче или шейхе Мансуре. Это мне неинтересно. Я и так знаю, что из-за них моя жизнь в качестве игрока «Ливерпуля» невероятно трудна. Я не хочу читать о том, как они получили контроль над клубом. Меня гораздо больше интересуют и беспокоят матчи, которые мы играем на поле, будь они на «Энфилде» или «Олд Траффорде», «Стэмфорд Бридже» или совсем недавно упоминавшихся стадионах «Этихад» и «Эмирейтс».

В августе 2013 года, когда эпопея с Суаресом наконец завершилась, я смог оглядеться. Повсюду чувствовались какие-то смутные перемены, неопределенность. Моуринью вернулся в «Челси», но предыдущий сезон на «Стэмфорд Бридже» был сложным. Их фанатов бесило, что временным тренером был Бенитес. Даже победа в Лиге Европы не могла смягчить недовольство болельщиков «Челси» Рафом. Они ненавидели Бенитеса из-за его ливерпульского прошлого и перепалок с Моуринью. «Челси» оказались в лиге только третьими. Моуринью предупреждал, что ему потребуется один сезон, чтобы вернуть контроль над клубом.

«Арсенал» промахнулся с Суаресом, и через несколько недель после того, как большие деньги были потрачены на покупку у «Реал Мадрида» Месута Озила, болельщики обрушились на Венгера. Они уже предвкушали очередную напряженную борьбу за четвертое место.

«Манчестер Сити» также были выбиты из колеи. Они уволили Роберто Манчини, заменив его Мануэлем Пеллегрини, чилийцем, который пришел в «Манчестер» из «Малаги».

Пеллегрини – очень хороший тренер, но уже ни в чем нельзя было быть уверенным. Трудно было предсказать, насколько новый человек из другой лиги сможет приспособиться к воротам английского футбола. А шейх Мансур со своим картелем, разумеется, с нетерпением ждал дальнейших успехов, особенно в Европе, после того, как они вбухали все эти миллиарды.

«АРСЕНАЛ» ПРОМАХНУЛСЯ С СУАРЕСОМ, И ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ ПОСЛЕ ТОГО, КАК БОЛЬШИЕ ДЕНЬГИ БЫЛИ ПОТРАЧЕНЫ НА ПОКУПКУ У «РЕАЛ МАДРИДА» МЕСУТА ОЗИЛА, БОЛЕЛЬЩИКИ ОБРУШИЛИСЬ НА ВЕНГЕРА.

На «Олд Траффорде» ситуация была еще более интригующей. Это было первое лето за двадцать шесть лет, когда Алекс Фергюсон не будет строить планы и схемы для завоевания очередного чемпионства для «Юнайтед». Фергюсон, несомненно, был великим тренером. Все, что нужно знать о его достоинствах, расскажет список его трофеев. Даже если говорить о том отрезке его службы тренером «Юнайтед», который застал я – с 1998 по 2013 год, – то он выиграл девять титулов Премьер-лиги. За это время он также дважды выигрывал Лигу чемпионов, дважды – Кубок Англии и дважды Кубок футбольной лиги. Фергюсон приводил «Юнайтед» к званию чемпиона Англии в общей сложности тринадцать раз. Получается, в среднем он выигрывал одно чемпионство каждые два года.

Дэвида Мойеса, пришедшего ему на замену, я знал довольно хорошо. За те одиннадцать лет, которые он провел в «Эвертоне», мы несколько раз разговаривали о футболе, и он всегда поражал меня своим знанием и пониманием игры. Но очевидно, что перед Мойесом стояла колоссальная задача – заменить Фергюсона. В середине августа он вместе с руководством «Юнайтед» без всякого толку взбаламутил рынок трансферов.

При всей этой непредсказуемости я видел крошечный шанс для нас. Я надеялся, что хотя бы один из четырех клубов, которые обычно завершали турниры, занимая соседние с нами места, не выдержит и слетит.

Ушел из спорта тот, кто в течение пятнадцати сезонов неизменно был моим товарищем в Мелвуде. Закончил свою спортивную карьеру Джейми Каррагер, мой большой друг и товарищ. 19 мая 2013 года он в последний раз сыграл за «Ливерпуль». Это совпало с последним матчем «Юнайтед» с Фергюсоном на должности тренера. Разумеется, Ферги отвлек основное внимание на себя, но, по-моему, Карра выиграл этот последний бой.

В тот последний для них обоих день Карра наслаждался поражением «Куинз Парк Рейнджерс» со счетом 1:0 на «Энфилде». Кроме того, он едва не забил самый что ни на есть первосортный гол. Должно быть, он надел мои бутсы, чтобы получилась такая красота. В тот же день Фергюсон наблюдал, как «Юнайтед» провели 5:5 с «Вест Бром». Засчитайте это как чистую победу для Карры, моего товарища и потрясающего защитника.

Все лето мне не хватало Карры. Если бы он был еще в Мелвуде, он бы взял на себя часть сложностей с Суаресом. Кроме того, я бы все время слышал его, его трепотню о футболе и вполне разумные, здравые и колкие замечания.

После своей последней, 737-й, игры за «Ливерпуль» Карра уступал лишь Яну Кэллагану. Я – третий в списке по количеству выходов на поле за все время в клубе, но я младше Карры и пройду отметку в 700 матчей не раньше февраля 2015 года. Мы двое были последними в «Ливерпуле» из старой гвардии игроков одного клуба.

Пока в английском футболе все выворачивалось наизнанку, подвергаясь колоссальному перевороту, которым зачастую двигали алчность и корысть, мы с Каррой не прекращали усердно работать. «Ливерпуль» глубоко запал в наши сердца, и мы не уйдем, пока в конце концов не придет наше время. Первым ушел Карра – ему было тридцать пять. Мне

было тридцать три – не за горами завершение и моей карьеры. Но я хотел дать еще один грандиозный бой – за себя, и за Карру, и за весь «Ливерпуль».

Долгие годы я жил в одной комнате с Джейми. Перед каждым матчем я ехал в автобусе рядом с ним. Мы вели нескончаемые разговоры о футболе, о матчах, в которых мы участвовали, о командах и игроках, которых нам нужно обыграть. А потом вдруг он ушел.

Мы вместе переживали все важные моменты и иступление побед. Мы помогали друг другу переживать поражения. Никто, кроме Карры, не унывал так же сильно, как я, когда «Ливерпуль» проигрывал. Мы вместе переживали эту боль, сидя в автобусе или самолете по пути домой. Никто не проживал это так же глубоко, а все потому, что мы чувствовали ответственность перед болельщиками и нашим клубом. «Ливерпуль» был главным в нашей жизни.

В Мелвуде группа Карры была впереди меня. В моем потоке было несколько неплохих игроков, но о группе Карры говорили больше, чем о любой другой молодежной команде. Они выиграли Молодежный кубок Англии, и я помню, они победили очень сильную команду «Вест Хэма», где играли Фрэнк Лэмпард и Рио Фердинанд. Но команда Джейми была выдающейся. Я наблюдал за Стьюи Квином, Эдди Теркингтоном, Джейми Кэссиди, Ли Приором, Дэвидом Томпсоном и Каррой. Томпсона я очень долго считал лучшим молодым футболистом, какого я когда-либо встречал в «Ливерпуле». Когда мы оба еще учились в школе, я, бывало, приходил и следил, как он играет в запасе. Он был великолепен.

Томпсон был одним из компании Карры. Карра, Томпсон, Кэссиди и Приор беспощадно костерили нас, пацанов помладше. Карра был самым горластым и едким из всех.

Я помню, когда Карра впервые всерьез заговорил со мной. Это случилось, когда я драил полы в Мелвуде. У него шел первый год его профессионального контракта, и он был настоящим пижонем. Пижонами обычно Ронни Моран называл всех новичков-профессионалов в «Ливерпуле». Вот таков-то и был Карра. Он знал, что я получаю 47,5 фунтов в неделю, и его радовал тот факт, что я еще ученик, а он-то профессионал. Я должен был стереть весь оставленный на полу раздевалки пот и грязь от его бутс. И все же это был тот самый Карра, что отпускал словечки.

Уж как он проходил насчет моих волос! Он глумился над моей челкой, потому что в ту пору я не пользовался никакими средствами. Я просто вставал с постели и перебрасывал челку вперед. Да кому нужна моя прическа? Я бредил футболом, а когда мне было семнадцать лет, мои фотографии были никому не нужны. Карра глядел на мою челку и всякий раз говорил одно и то же: «Опять зачесал волосы с задницы?»

В юности я многого наслушался от Карры, как и все игроки постарше из основного состава. Это – тоже футбол, и, когда я уйду, я буду по всему этому скучать. Поэтому-то тем печальным летом 2013 года я так сильно и чувствовал отсутствие Карра. Нет никого, кто был бы так же решителен и колок, как Карра. Если бы он был рядом, когда я переживал из-за Суареса, я бы справился.

Когда в 2004 году из «Ливерпуля» ушел Дэнни Мерфи, это совпало с уходом Майкла Оуэна. Майкл и Карра были очень близки. Они были неразлейвода, совсем как мы с Дэнни. В те дни мы часто тусовались вчетвером, но я определенно гораздо больше разговаривал с Дэнни. Когда они с Майклом ушли, нас с Каррой прибило друг к другу. Он был из Бутла – болельщик «Эвертона», – а я из Уитона. Мы были два помешанных на футболе ливерпульца, поэтому-то так очевидно, отчего мы так хорошо ладили. Я уже знал, что Карра – очень бойкий, но мне довелось оценить и его живой интеллект. Он был остер на язык, а ум его был еще острее.

Сколько всего Карра знал о футболе и насколько был зациклен на игре – просто жуть. Если он не играл, он смотрел матчи, разговаривал или читал о футболе. Карра был одержим игрой еще больше, чем я. И ему обязательно нужно было выигрывать. Во время тренировок

он с удовольствием жульничал, чтобы выиграть «пять против пятерых». Во время матчей я это тоже замечал. Он всегда крутился возле арбитра, пытаясь получить преимущество.

Странно, но почему-то ходили разные слухи о том, что мы двое дрались на тренировочном поле. И всякий раз – полная чушь. Меня всегда больше всего бесило, что в этих наших воображаемых драках всегда выигрывал Карра. Как-нибудь мне придется надеть перчатки – особенно теперь, когда Карру натаскивает один из лучших боксеров Ливерпуля, Тони Белью.

Джейми был выдающимся футболистом. Трудно даже представить, чего он достиг местным мальчишкой, когда в футболе крутятся такие деньги. На каком-то этапе, в те три года, когда мы дважды выбивались в финал Лиги чемпионов, «Ливерпуль» мог бы купить любого защитника в мире. Но никто другой не смог бы занять место Карры в сердце нашей защиты.

Джейми стал одним из лучших защитников в Европе. Без Карры не видать нам такого успеха в наших лигочемпионских кампаниях. Многие игроки, в том числе и я, срывали аплодисменты за голы и яркие моменты, а Джейми – матч за матчем, сезон за сезоном – поддерживал наш тыл. Он играл хорошо и ровно лет десять, а то и больше, но, думаю, была пара лет, когда он был на пике наряду с Алессандро Нестой и Джоном Терри. Я всегда считал Терри лучшим защитником своего поколения. Но когда Карра играл так же великолепно, как Терри и Неста, он был несокрушим.

За два часа финального матча Лиги чемпионов в Стамбуле выразилась вся сущность Джейми Каррагера и все, что он значил для «Ливерпуля». В ту ночь он отдал все: кровь, пот, слезы и боль. Это был бой насмерть: в героических попытках остановить Кака и Андрея Шевченко у Карры носки закрутились вокруг лодыжек. После матча Карра сказал, что играть со сведенной судорогой ногой хуже, чем с переломом. Так высказаться, точно зная, что он имел в виду, мог только Карра. Однажды во время матча с «Блэкберном» он сломал ногу, но попытался продолжить игру. Разумеется, тогда он не знал, какое именно у него повреждение, и поэтому думал, что сможет убежать от боли. Таков Карра. Он готов отдать за клуб и жизнь, и любую конечность.

Последний его сезон был посложнее. Я замечал, что вплоть до самого начала нового года ему бывало невыносимо все вне команды. Карра – совсем как я. Неделя у него начиналась с утра понедельника, и он уже начинал с нетерпением дожидаться следующего матча. Он делал все, что нужно. Он усердно тренировался, питался правильно, ходил на нужные виды массажа, отдыхал и обязательно придерживался режима, который помог бы ему подготовиться к выходным. Когда тренер регулярно лишает тебя этого, твоя жизнь меняется.

Брендан Роджерс, когда только-только пришел в «Ливерпуль» тренером, принял именно такое решение. Карра больше не выходил на поле в стартовом составе. Это очень тяжело, когда в течение 16 сезонов ты играл почти каждые выходные и знал, что в тебе нуждаются и что тренер полностью использует все твои возможности. Обидно, когда все меняется. Я отчасти прочувствовал это на себе в прошлом сезоне, когда я получил травму, а потом меня отстранили на несколько игр. Было тяжело, как никогда.

Для защитника это еще труднее. Когда ты заменяешь защитника, нечасто удается попасть на поле, и уверенность в себе страдает. Я знаю, что если я как полузащитник сижу на скамейке запасных, то на каком-то этапе игры я почти наверняка выйду на поле. Если дела у команды идут не очень, я могу выйти на последние тридцать минут. А если мы выигрываем, меня могут вызвать, чтобы помочь довести игру до конца.

И все же ни Джейми, ни мне никогда бы не понравилось быть запасным. Поэтому-то я был так рад, когда в январе 2013 года после поражения от «Манчестер Юнайтед» и заявления Брендана о том, что нашей команде нужно больше «людей» и «лидеров», Джейми вернулся. Следующий матч, с «Норвичем», мы выиграли 5:0, и Карра остался в команде до конца сезона.

В тот последний год он еще был в форме и бодр. Кроме того, было очевидно, что у него огромный опыт. Думаю, что, пока Джейми играл, мы были гораздо сильнее как команда и гораздо прочнее в оборонительном плане. Он был невероятно организованным. Он и по сей день опора команды. За последние полгода в клубе Карра все это продемонстрировал. Он остался потрясающим защитником. Он мог бы играть за основной состав «Ливерпуля» еще год, но, по-моему, Карра ушел вовремя. В нем все еще нуждались, а именно так и хочется уходить из единственного клуба в своей жизни. Паоло Мальдини, один из самых выдающихся защитников, какие когда-либо бывали в футболе, и капитан наших противников по финалам Лиги чемпионов, в течение 25 лет был профессиональным игроком «Милана». Незадолго до завершения его карьеры его собственные фанаты позорно освистали его.

Выдающимся игроком был Гари Невилл, особенно в том, что касается его серьезного отношения к игре, но я помню, как смотрел на него, когда карьера его близилась к концу, и это было тяжело. Он часто получал травмы, и я видел, что ситуации «один на один» даются ему с трудом. С этим сложно примириться, когда ты так долго был особенным игроком. Гари – невероятный защитник, сгусток энергии, снующий по всему флангу. Тем не менее, на мой взгляд, он задержался месяцев на шесть. Поэтому я действительно радовался, что Карра уходил не так – ради него самого. Он выбрал верный момент, чтобы покинуть спорт.

Первый сезон с Бренданом в качестве главного тренера закончился для нас седьмым местом – на одну ступень лучше, чем в прошлом году с Кенни Далглишем. В конце мая 2013 года слова Тома Вернер, президента клуба, звучали очень оптимистично. Он разговаривал с *Liverpool Echo*:

– Брендан добился поразительных успехов. Он – выдающийся стратег и проявил себя как сильный лидер. Разумеется, мы разочарованы, что команда не заняла более высокое место в таблице, но команда, безусловно, делает успехи. Очень приятно видеть, что вновь прибывшие в январе Даниэль Старридж и Филиппе Коутинью так хорошо играют. Мы забили намного больше голов, чем в прошлом сезоне. Под руководством Брендана клуб определенно движется в нужном направлении. Этим летом мы намерены сделать команду еще сильнее.

Накануне нового сезона, удержав Суареса, мы обзавелись молодым подкреплением, чтобы возместить потерю Карры с его опытом. Я тоже от души верил в Брендана как тренера, и появление таких талантливых молодых игроков, как Старридж и Коутинью, воодушевляло меня. Но я не был уверен, тех ли новичков мы набрали тем летом – хотя череде переходов еще предстояло растянуться на много недель, пока не закроется окно. И Энди Кэрролл, и Стюарт Даунинг уже завершили переход в «Вест Хэм», Джондж Шелви ушел в «Суонси», а Джей Спиринг подписал контракт с Болтоном.

1 сентября 2013 года к нам придет Мамаду Сако, которого за 12 миллионов фунтов выписали из «Пари Сен-Жермен», и еще шесть новых игроков. В конечном счете команда пополнилась Яго Аспасом («Сельта», 9 миллионов фунтов), Симоном Миньоле («Сандерленд», 9 миллионов), Луисом Альберто («Севилья», 6,8 миллионов), Тиагу Илори («Спортинг», Лиссабон, 6,8 миллионов), Коло Туре («Манчестер Сити», свободный агент) и Виктором Мозесом («Челси», в аренду).

Альберто и Аспас оказались по-настоящему хорошими ребятами, с технической точки зрения отличными футболистами. Они умели играть в «стенку» и обладали чувством паса. Порой оба они отлично смотрелись в игре «пять на пять» и «семь на семь». Было очевидно, почему они проявили себя как достойные игроки в лиге Испании, где гораздо больше внимания уделяется технике.

Но едва я увидел их в раздевалке, я тут же понял, что в Премьер-лиге им себя не проявить. Все из-за физических данных. У них было телосложение, как у мальчишек – они

выглядели лет на пятнадцать. Я подумал: «О господи, как же вам справиться с Джоном Терри, Эшли Уильямсом и Райаном Шоукроссом?»

Я сразу же понял, что Аспас никогда не сможет играть в нападении в одиночку. Сможет ли он играть в паре? Пожалуй. Он довольно умен, но мы никогда не играли с двумя нападающими. Возможно, 9 миллионов выброшены на ветер. Я не ошибся. В июне следующего года Аспас перешел в аренду в «Севилью» с правом выкупить контракт в течение трех лет, чтобы остаться в Ла Лиге.

В целом после двух тренировок становится понятно, потянет новый игрок или нет. По моему, моя интуиция редко меня подводит. После недели тренировок все становится совершенно ясно. Одна или две тренировки могут пройти неудачно у кого угодно, но чтобы пять или шесть подряд – такое бывает редко. Можно взглянуть на фигуру, спортивную подготовку и физические данные игрока и довольно быстро его оценить.

С некоторыми футболистами я ошибался. В течение первого года в «Ливерпуле» Джордан Хендерсон справлялся с трудом, и самооценка его, казалось, была занижена. Бывали тренировки, а порой и матчи, когда он просто не поспевал. Но я замечал, что иногда он тренировался по-настоящему хорошо. Более того, я подмечал кое-что в таких матчах, где, как я думаю, поднабравшись уверенности, он мог бы привлечь к себе болельщиков и стать прекрасным игроком. Я решил, что ему просто нужна помощь и дружеская поддержка. С тех пор он стал бесподобен. Джордан заменил меня на месте капитана «Ливерпуля», и я безраздельно верю в него как в футболиста и как в человека.

Поэтому, когда я оцениваю игроков на ранних этапах, я никогда не ставлю на них окончательный крест. Кое-кто меня крайне удивил и изменил мое мнение о себе. Хавьер Маскерано поначалу бился, и передачи он, казалось, делал вкривь и вкось, но ему просто нужно было время, чтобы освоиться. Сначала я думал: «Не знаю, не знаю», но через пять или шесть игр стало очевидно, что он очень хорош. Сейчас он стал потрясающим игроком в «Барселоне», но, чтобы проявить свои качества, ему потребовалось время.

И все же техника и талант имеют большое значение. Я, например, знал, что до перехода в 2004 году из «Реал Сосьедада» Хаби Алонсо был неплохим футболистом. В его первый сезон, когда мы делали упражнение на пасы во время разминки, я увидел, как Хаби с присущей ему легкостью и техничностью отдал пас метров на двадцать – мне хватило и двух минут, чтобы убедиться, что он – чудесный игрок для «Ливерпуля», а для меня – товарищ по команде, о котором можно только мечтать.

И наоборот, я знал, что и Альберто, и Аспас, и Фабио Борини будут изо всех сил биться, чтобы произвести неизгладимое впечатление в мире английского футбола. Борини – очень быстрый, но после двух тренировок я был совершенно уверен, что он не тянет на ливерпульского нападающего – и уж, конечно, не одного уровня с Фаулером, Оуэном, Торресом и Суаресом. Я лишь надеялся, что ему в конце концов удастся стать игроком вроде Хавьера Эрнандеса, который вставал со скамейки запасных и попадал точно в ворота именно тогда, когда это было нужно больше всего. Но Борини отдали в аренду «Сандерленду». У него были свои интересные моменты, но все это не сыграло ему на руку.

В тот предсезонный период нас покинул еще один крупный футболист – Пепа Рейна перешел в аренду в «Наполи», куда недавно в качестве тренера перешел Рафа Бенитес. Его место на воротах занял Симон Миньоле. У меня были кое-какие сомнения. Я знал, что Симон играл довольно хорошо и в «Сандерленде» показывал хорошую статистику, но у вратарей команды, которая занимает более низкие позиции в лиге и ворота которой беспрестанно атакуются, ситуация совсем иная. Тогда несложно показать действительно хорошие сейвы в программе *Match of the Day*. Но когда ты номер один в «Ливерпуле», тебя оценивают на совершенно ином уровне. Люди смотрят не только на то, как ты умеешь ловить мячи. В

«Ливерпуле» ворота будут осаждать не так уж часто, поэтому будет рассматриваться и то, как вратарь работает ногами, как он умеет выдавать мяч и может ли перехватывать навесы.

Я знал, что Миньоле будет потрясающе ловить мячи – в этом отношении я бы противопоставил его любому другому вратарю Премьер-лиги. И еще было ясно, что он хороший парень, исключительный профессионал и вратарь, который усердно тренировался. Но я все еще сомневался, как он приспособится к системе Брендана Роджерса, когда вратарю нужно работать ногами и не терять бдительности все то продолжительное время, пока ему не надо действовать. Как только начнется сезон, он узнает еще больше – и о вратаре, и о команде.

«Энфилд», суббота, 17 августа 2013 года.

Первый матч только-только начавшегося сезона, пока еще не раздался свисток и по стадиону не прокатился рев, всегда полон сладких ожиданий. Дождливый и ветреным субботним днем в середине августа на домашнем матче со «Сток Сити» царила атмосфера почти как в старые добрые времена английского футбола – если не считать того, что из-за требований телевизионщиков мы должны были вводить мяч в игру в 12.45, а не в 15.00, как было принято раньше. По крайней мере, мы играли прежде всех в Премьер-лиге.

Трибуны «Энфилда» звучали в полную мощь – когда мы закончили последние упражнения обычной разминки, по всей площадке разносилось «Ты никогда не будешь один». А когда я вновь взглянул на это трогательное зрелище, то вокруг меня развернулось широкое красное море футболок, шарфов, баннеров и флагов. Я заметил несколько огромных баннеров, на которых на красном «ливерпульском» фоне было прострочено белыми буквами «Справедливость для 96 погибших». Моему двоюродному брату, одному из тех, кто погиб на Хилсборо, исполнилось бы 34 года. На других хлопающих на ледяном ветру флагах просто стояло число «96». Остальное относилось к футболу – ведь мы возвращались к веселой игре, которую все мы любили.

На широких флагах растянулось знакомое лицо Билла Шенкли, а еще мое, а остальные символы расположились выше. Пока многочисленный хор фанатских трибун затягивал все громче и громче, на глаза мне вновь попала надпись «Заставь нас мечтать». Если бы восемь лет назад я ушел из «Ливерпуля» в «Челси», я бы потерял эту глубокую привязанность, крепкую любовь и преданность. Даже если бы я сменил «Энфилд» на такую знаменитую и грандиозную арену, как «Бернабеу», я бы больше никогда не испытал того же трепета, от которого мурашки по коже.

Я вновь чувствовал внутри волну надежды и ожидания, которая нарастала во мне благодаря толпе ливерпульских фанатов.

– Ну вот, – подумал я, – новый сезон – новые мечты.

Луис Суарес, конечно же, пока был отстранен. Он сидел на трибуне и хмуро наблюдал, как мы разминались и со свистом отправляли тренировочные пасы через все поле, скользкое после холодного летнего дождя. Но было приятно слышать волну приветственных криков, встретивших Луиса на парковке «Энфилда», а еще лучше – видеть его растерянную улыбку в признательность за поддержку ливерпульских фанатов. В его отсутствие Брендан решил ввести на его место в стартовом составе Премьер-лиги Аспаса и Старриджа. Рахим Стерлинг и Альберто остались на скамейке запасных.

Я пошел к центру круга. Там поджидал Мартин Аткинсон, мой самый нелюбимый арбитр. Он выдал мне столько предупреждений и красных карточек, что хватило бы на всю оставшуюся спортивную жизнь. Я терпеть его не мог. Пожимая руку Райану Шоукроссу, капитану «Стока», я криво улыбнулся ему и пожелал удачи. Клянусь, он облизнулся – не для того, чтобы почувствовать на губах капли дождя, а при виде дрожащего на холоде Аспаса.

Аткинсон подбросил монетку в воздух, и она упала орлом вверх – в нашу пользу. Я ответил, что мы, как обычно, будем играть со стороны Энфилд-роуд. Коп мы прибере-

гали ко второму тайму. Я повернулся спиной к команде. Прозвучали последние слова, прошли последние рукопожатия. Вся неразбериха и неприятности, все принятые в последний момент предсезонья решения – все было позабыто. Я не вспоминал даже об Алекс и девочках, о родителях и о брате Поле. Все мысли свелись к одной только вещи, которая в ближайшие полтора часа, а то и больше, будет иметь значение. Нужно начать новый сезон с победы.

Для «Ливерпуля» светил лучик надежды, «Сток» под руководством Марка Хьюза, заменившего на посту тренера Тони Пьюлиса, выстроился как обычно. Не позднее второй минуты я навесил свободный удар, приличный такой, но Шоукросс, высоко подпрыгнув, решительно отбросил его. Мы, казалось, были очень подвижны, а Старридж и Коутиньо – так сплошной натиск и энергия. Они – первоклассные футболисты. «Сток» – команда упорная и отвечала нам тем же. В первый раз в этом сезоне мы по-настоящему испугались, когда – всего на девятой минуте – Симон Миньоле вышел на подачу с фланга. Наш новый вратарь нервно взметнулся и был сбит в воздухе Питером Краучем, который вернулся на «Энфилд» в цветах противника. В последовавшей неразберихе Роберт Хут с лету бухнул в перекладину всего с десяти метров. Нам повезло, что эта возможность представилась неповоротливому центральному защитнику, а не забивному нападающему.

Через несколько минут, после очередного свободного удара, который на этот раз я навесил идеально, Старридж великолепным ударом головой удачно направил мяч в ворота «Стока». «Энфилд» взревел, но тут взметнулся флажок помощника арбитра. Дэниел был частично вне игры, однако меня порадовало, как он так легко смог найти место на штрафной площадке.

Следующим с моим «фирменным» стандартным положением столкнулся Коло Туре. Я занял угол справа и, заметив, что наш новый защитник подкрадывается к краю штрафной площади, готовый броситься вперед, послал мяч к ближней перекладине. Коло сыграл головой, мяч врезался в нижнюю часть перекладины и отскочил вниз. Туре не успел добить, а Старридж с острого угла пробил высоко над воротами.

Старридж и дальше создавал «Стоку» проблемы – он был именно тем, кто в конце концов мог бы вывести нас из тупика. Асмир Бегович выполнил пару отличных сейвов, чтобы отбиться от Старриджа, но на 37-й минуте ничего поделать было нельзя. Я исполнил длинный поперечный пас на Хендерсона, а он отыграл на Старриджа. Тот тут же перебросил его Лукасу, который направил мяч Аспасу. Старридж аккуратно и с силой пробил после простой поперечной передачи от Аспаса. Мяч проскочил между ног у Хута, пролетел мимо растянувшегося в прыжке Беговича и попал в нижний правый угол ворот «Стока». 1:0.

Даниэль воздел руки и стоял, словно статуя, невозмутимый, если хотите, и дожидался, пока все мы окружим его. Ведь он только что забил первый гол Премьер-лиги 2013–2014 года, и, судя по его настрою, он станет одним из множества.

Дело шло к перерыву, и Миньоле выполнил потрясающий сейв, бросившись влево, чтобы предотвратить удар, для которого уже занес ногу Джон Волтерс. Через несколько минут Лукас выбил мяч с линии ворот. Тайм был неоднозначный, но по крайней мере мы были впереди.

После перерыва мы увеличили темп, но «Сток» был, как всегда, дисциплинирован. Бегович также совершил великолепный сейв, чтобы помешать Хендерсону, и тот попал в перекладину. Аспаса заменил Стерлинг, но Бегович не утратил боевого настроения. Он отбил мой удар со штрафного, который, казалось, наверняка бы попал в верхний правый угол ворот.

«Сток» почуяли запах переломного гола и очка. На «Энфилде» чувствовалось напряжение. Чарли Адам, наш бывший товарищ по «Ливерпулю», вышел на замену за «Сток» и вскоре попробовал применить свой обычный прием – забить с центральной линии поля. Ему это, наконец, удастся – в 2015 году, – но Миньоле помешал этой попытке. В последний раз «Сток» яростно обрушился на нас. Стерлинг совершил фол против Джерома Камерона, и

«Сток» получили право на штрафной удар со своего левого фланга. Прошли 88 минут матча. Мы все вернулись в оборону.

Мяч взвился, и Даниэль Аггер второпях, заноса левую ногу, чтобы попытаться прервать передачу, поднял правую руку. Мяч скользнул по его руке – пенальти.

Мы даже не пытались протестовать. Совершенно неудивительно, что Мартин Аткинсон назначил пенальти «Ливерпулю», команде, где я капитан. Но на этот раз он был прав. Касание было столь явным, что Аггер мог с тем же успехом отбить мяч рукой. Я тяжело опустил голову. Потерять два очка на своем поле, в первой же игре, в самом конце матча. Все надежды и ожидания, которые я лелеял вначале, испарились.

Я стоял на краю зоны лицом к воротам, справа от мяча. Я покорно стоял, руки в боки. Все глаза были устремлены на Миньоле. У него был один великолепный сейв, но когда доходило до работы с мячом, ноги его подводили. Кроме того, из-за того предыдущего навеса он казался потерянным. Дебют был вовсе не безупречным.

В прошлых сезонах я всегда верил, что Пепе Рейна, пожалуй, отразит пенальти. С Миньоле такой уверенности не было, потому что я его не так хорошо знал.

Джон Уолтер был решительно настроен принести «Стоку» очко. Этот Уолтерс – серьезный игрок, и я полагал, он не промажет. Я стоял, наблюдал и ждал, а Миньоле подпрыгивал на своей линии, высоко подняв руки в надежде отвлечь Уолтерса. Аткинсон дал свисток. Уолтерс побежал и с силой послал мяч вправо от Миньоле. Наш новый вратарь нырнул в угол и, совершив невероятный сейв, отбил мяч рукой. Симон просто взял и спас ворота. Он немедленно вскочил на ноги и отразил добивание от Кенуайна Джонса. Вместо гола «Сток» довольствовался только угловым. Есть, Симон, ты – красавчик!

Мы все тут же бросились к нему. Первыми домчались Туре, Хендерсон и Глен Джонсон. Следующим был я, в бешеной гонке опережая Лукаса, Аггера и Хосе Энрике. Я напрыгнул на всех сверху и обнял Симона за шею, потрясая кулаком в воздухе. От радости я что-то нечленораздельно выкрикивал ему, ведь Симон справился со своей вратарской задачей. Он, выпучив глаза, указывал на угол и что-то кричал нам. Он был прав – вратарь вернул нас с небес на землю, и мы направились защищаться на угловом. Команда завершила матч и выиграла со счетом 1:0 – благодаря этому позднему, отраженному на последних минутах матча пенальти.

У нас новый сезон уже всю начался – за полчаса до того, как все остальные команды успели развести мяч с центра поля в сегодняшних встречах.

– Лидеры лиги! – ухмыляясь, проговорил Брендан Роджерс.

Следующим был матч на чужом поле с «Астон Виллой», в субботу. Его также должны были транслировать по ТВ, и в этот раз игра начиналась в 5.30. Когда мы садились в наш автобус, чтобы ехать в Бирмингем, бросилось в глаза, как с уходом Карры все для меня изменилось. Мы всегда сидели вместе, а теперь его нет. Мне еще повезло, что у меня остались хорошие приятели, с которыми можно поболтать, когда поездка начнется. Было ясно, что я буду сидеть возле Криса Моргана, нашего главного физиотерапевта и человека, который знает обо мне и моем выдавшем виде теле больше других в клубе, или с Полом Смоллом. Пол – один из массажистов. Отличный парень. Он также работал и в сборной Англии, а значит, я очень полагался на него. Роб Прайс – еще один физиотерапевт, которому я безмерно доверяю. Крис пришел в команду в начале сезона 2005–2006 года, сразу же после матча в Стамбуле и моего решения не уходить из «Ливерпуля» в «Челси». Сначала он был физиотерапевтом запасного состава и выполнял отдельные вещи для основного, но Крис так хорошо делал свою работу, что все чаще и чаще, если у меня были какие-то мелкие жалобы или если меня беспокоило что-то более серьезное, я в первую очередь обращался к нему.

Со временем я научился полностью доверять Крису, когда восстанавливался после травмы или когда он слушал меня, если я делился какими-то мрачными сомнениями. Пару

раз он помог мне спасти мою карьеру, а в самую неудачную для меня пору, в 2011 году, когда я считал, что все кончено, Крис и наш врач, Заф Икбал, направили меня к Стиву Питерсу, психотерапевту, который в течение последних трех с половиной лет, что я провел в «Ливерпуле», продолжал очень многое делать для меня. Стив и Крис вместе помогли мне опраться и морально, и физически, и я очень им обязан.

Я помню, как откровенничал с Крисом. Мы ехали в Германию, где мне в первый раз делали операцию по удалению грыжи. Операцию назначили на последующие дни, и каждый день Крис присутствовал в демонстрационном зале, наблюдая, как работают хирурги, чтобы вполне понимать каждую операцию. В Германии мы много времени проводили вместе и между операциями, и пока я восстанавливался, и наши беседы становились все откровеннее. Мы болтали на такие личные темы, каких я обычно избегаю в футбольном окружении. Но мы так близки по возрасту и воспитанию, что я расслабился и раскрылся перед Крисом.

Поэтому и по дороге на матч с «Виллой», и всякий раз, когда мы ехали в нашем автобусе, я неизменно сидел рядом с Крисом. В автобусе было много молодых футболистов, но я, как правило, обходил их стороной. Я не хотел мешать их общению, ведь, в конце концов, я их капитан. Кроме того, мне было тридцать три, а некоторые из них, например, Рахим Стерлинг и Джордан Айб, были еще подростками или, как Коутиньо, едва достигли двадцати. Им я казался стариком, и сделал я гораздо больше, чем любой из них. Поэтому я непременно старался, чтобы никто из них не чувствовал смущения, но всегда давал понять, что готов помочь.

Я не ходил обедать с более молодыми игроками и не проводил с ними время вне матчей. Изредка мы шутили и смеялись, но я предпочитал предоставлять молодежь самой себе. Порой, когда я поблизости, они вели себя чересчур тихо. Я-то знал – будь я всего на пару лет постарше, я бы им в отцы годился. Такие мысли меня пугали.

Мне понравилось, что однажды, перед занятием по отработке взаимодействия, сказал Брендан:

– Приходишь, показываешься и какое-то время участвуешь, чтобы показать, что ты лидер группы. Но нужно и ребятам дать место, поэтому побыстрее устранийся. Отправляйся к Алекс с дочками.

Совет был прекрасный. И я подумал:

– Хм, а ведь я всего на пять лет моложе Брендана.

Разумеется, всякий раз, когда требовалось участие всей команды, я смешивался со всеми, но с игроками постарше, например с Гленом Джонсоном, Брэдом Джонсом и Мартином Шкртелом, мне было гораздо легче ладить.

В автобусе оказалось, что Крис – отличный собеседник, который прекрасно разбирается в футболе. Он изучил меня как свои пять пальцев и знал, как подойти ко мне после поражения. Через некоторое время я осознал, что мне хочется, чтобы он был предельно честен. Мы совершенно четко обозначили этот пункт, когда я начал встречаться со Стивом Питерсом. Стив, в некотором роде, позволил Крису быть со мной совершенно откровенным.

Крис, человек чуткий, всегда тщательно выбирал момент, прежде чем прямо объявить мне, что я допустил ошибку или уровень моей игры хотя бы слегка упал. А раз уж он никогда не льстил мне, то если Крис отмечал, что я сыграл хорошо, то это что-то да значило.

Иногда, когда вы занимаете такой пост, как мой, то после матча никому не хочется честно признаваться, как вы сыграли. Все предпочитают приукрашивать хорошие эпизоды и замалчивать плохие. Это мило, но я – обычный человек и ценю, что у меня есть кто-то вроде Криса, кому можно доверять и кто скажет мне именно то, что думает.

Мы частенько писали друг другу, кто войдет в состав на сегодня, и, как и Брендан, обрадовались, что с «Виллой» будем играть тем же составом. Тренер стремился к постоян-

ству, а нам немного больше сопутствовала удача, ведь, если считать последние восемь игр предыдущего сезона, мы были непобедимы в девяти матчах, а семь из них выиграли.

Одним прекрасным днем, когда светило подернутое дымкой солнце, какое бывает в конце августа, Старридж и Миньоле вновь изрядно поработали для нас на разных концах поля. В середине первого тайма Старридж бросился на левый фланг, а затем отправил мяч в центр в моем направлении. Я сыграл накоротке с Лукасом, а тот отпасовал Энрике, чей размашистый пас с левой ноги перелетел через Коутиньо, и Старридж смог вновь подхватить мяч.

Окруженный тремя защитниками «Виллы», он, демонстрируя потрясающую работу ногами, проскочил мимо Рона Влаара и проскользнул направо. А затем, когда выскочивший из ворот Брэд Гузан попытался накрыть его, Старридж далеко откатил мяч правой бутсой, не теряя полного контроля над ним, и внешней стороной левой ноги забил безукоризненный гол с острого угла. Старридж побежал, в восторге потрясая руками, и развернулся ко мне. Мы сплели руки над головами, и тут на нас налетели Туре, Хендерсон и Коутиньо.

Особо сложным испытаниям подвергали нас Габриэль Агбонлахор и Кристиан Бен-теке. И в двух опасных ситуациях Миньоле потребовалось все его вратарское умение. Обе попытки предпринимал Бентеке, истинное наказание для Туре и Аггера. Первая случилась прямо перед перерывом, когда, пока Туре метался и бросался в разные стороны, Бентеке послал мяч, который Миньоле отбил, нырнув влево. Ближе к концу матча, вновь на последних его минутах, у Бентеке появилась еще более благоприятная возможность, когда он остался один после скидки Никласа Хелениуса головой. Бельгиец с полулета отправил мяч в створ ворот – Миньоле, вновь прыгнув влево, направил его рядом со штангой на угловой. Просто потрясающий сейв – еще более зрелищный потому, что Бентеке был всего метрах в десяти.

Две игры, шесть очков. После матча Брендан радовался, но смотрел на вещи реально. Восемь месяцев назад Старридж, после непростых сезонов, проведенных за «Челси» и «Манчестер Сити», перешел к нам за 12 миллионов фунтов. За 16 матчей в Премьер-лиге за «Ливерпуль» он забил 12 голов. Как после матча сказал Брендан:

– Если он не потеряет форму, он будет представлять серьезную опасность для любой команды. Посмотрите на него – глядя на его телосложение, скорость и мощь, можно подумать, что он бразильский бомбардир. Англии с ним повезло, ведь это – большой талант, но он знает, что ему нужна стабильность. Ему нужны матчи и голы. Но разница с «Челси» и «Манчестер Сити» очевидна. Как молодой игрок среди суперзвезд он боролся за свое место в их иерархии. Здесь же ему удобно там, где он есть. У него за спиной – капитан сборной Англии, Стивен Джеррард, который и посоветует, и направит. Все его товарищи борются, бегут, работают – и он в их числе. Сегодня мы все рады за него – и за команду.

Глава третья. То радость, то печаль

Наш третий матч лиги в этом сезоне, с «Манчестер Юнайтед» на своем поле, был знаменательным событием. Наше с «Юнайтед» общее прошлое было полно стольких переплетений и злосключений, что аж дух захватывает. Мне всегда отчаянно хотелось сыграть с ними, даже пусть у нас было больше поражений, чем побед. У Даниэля Старриджа все, казалось, было иначе. Больше всего об этом матче мне вспоминается подготовка к нему и Даниэль, который очень сомневался по поводу своей физической формы и желания играть. Встреча с «Манчестер Юнайтед» без Луиса – задача не из легких. Если мы еще и Даниэля потеряем, значит, останемся почти безоружны.

Перед матчем мы ночевали в Хоуп-стрит отеле и, как обычно, отправились на командную прогулку. Я устроил так, что целых пятнадцать минут шел рядом с Даниэлем. Мне нужно было попытаться убедить его играть. Я знал, как сильно нам нужно, чтобы он добыл нам три очка против «Юнайтед». Иначе нам бы пришлось начинать, поставив центральным нападающим Аспаса. У него была пара славных эпизодов, но я был больше чем уверен, что у испанца не хватит ни физических сил, ни выносливости, чтобы быть центральным нападающим «Ливерпуля» в матче Премьер-лиги. Наш единственный шанс обойти «Юнайтед» – если центральным нападающим будет Старридж.

Даниэль из тех, кого нужно иногда подбадривать чем-нибудь вроде: «Да брось! Ты наш основной игрок. Ты нам нужен. Так что – действуй!» Луису такого говорить было не надо. Луис был почти несокрушим. По-моему, он не пропустил в «Ливерпуле» ни одного матча из-за травмы. Я видел Луиса во врачебном кабинете «Ливерпуля» дважды, и один раз он ходил за кульком льда, чтобы можно было вновь выйти на поле. Луису никогда по-настоящему не требовались врачебные кабинеты. Помню, как он играл против «Арсенала» с травмой подколенного сухожилия. Такой вот у Суареса склад ума. Луис Суарес ради тебя пройдет сквозь кирпичную стену.

Некоторые невероятно талантливые футболисты наделены и другими способностями: выносливостью, жизнестойкостью, несгибаемой верой. Другие более ранимы и неуверенны в себе. Только и всего.

У Луиса и Даниэля разный склад ума. О Луисе я знал все, а Даниэль, как я заметил, из тех, кого приходится время от времени подбадривать. Но перед матчем с «Манчестер Юнайтед» это оказалось посложнее. У него врожденная тревожность, и ему всегда кажется, что что-то не так.

Перед прогулкой я поговорил с Крисом Морганом и Гленом Дрисколлом, главой отдела по физической подготовке, о травме Даниэля – не мог же я начать уговаривать его играть, если он не вполне готов. Кроме того, у меня и самого хватало жалоб, по поводу которых такие специалисты, как Крис и Глеб, должны были дать четкий ответ: «С тобой все ОК. Можешь играть. Дерзай!»

Я спросил у них:

– Что там у Даниэля?

Крис взглянул на меня:

– Мы думаем, он может играть. У него проблема с бедром, но мы уверены, все будет хорошо. Мы считаем, его нужно лишь подбодрить и подтолкнуть.

Глен подтвердил эти слова и только придал мне уверенности. Даниэль вернулся после травмы лодыжки, которую получил летом, играя за сборную Англии. До начала сезона ему приходилось тренироваться по индивидуальному графику, а потом, из-за того, что у нас уже не было Луиса, его сразу же задействовали в игре.

После матча с «Виллой» мы играли с «Ноттс Каунти» в рамках турнира за Кубок Capital One. Сыграли мы не блестяще. При счете 2:0 на 29-й минуте матч шел гладко, пока не прошел час. «Каунти», из Лиги 1, отыгрались, и на 84-й минуте счет стал 2:2. Мы выиграли 4:2 в дополнительное время, и Даниэль играл все 2 часа. Он был нам нужен, потому что в конце на поле осталось десять человек. Используя все три замены, никого у нас не осталось, чтобы заменить Коло Туре после того, как он ушел с поля с разрывом паховых связок. Даниэль был обязан прорваться – тем не менее он забил два гола.

И вот опять – травма бедра. Оно немного болело, но команда медиков была убеждена, что ему можно играть с «Манчестером». Крис не мог с уверенностью сказать, сколько Даниэль продержится, но он поддержал меня в моем желании поговорить с футболистом о том, что с медицинской точки зрения он готов к игре. И он, и другие физиотерапевты, а также тренер – все безуспешно пытались уговорить его.

И это – еще одна моя задача как капитана команды. Но на прогулке я пытался убедить Даниэля скорее как болельщик. В конце концов я просто умолял его играть. Я сказал, что, если результатов не будет после десятой или пятнадцатой минуты, он сможет покинуть поле. Я обещал, что все фанаты, да и все в команде по достоинству оценят его попытку. Я старался подбодрить Даниэля, помочь ему обрести уверенность в себе, не обращать внимания на боль и немного рискнуть, выйдя на поле. Но я хотел еще и одержать победу в матче. Мне отчаянно хотелось, чтобы Даниэль вышел в стартовом составе.

– Ладно, – сказал Даниэль в конце прогулки. – Я попытаюсь...

Наконец я мог сосредоточиться на «Юнайтед». Еще до начала сезона я начал размышлять:

– Если «Юнайтед» проявят хоть каплю нерешительности в самом начале, Мойесу придется туго...

Мойес, казалось, чувствовал то же. Он умный и сильный тренер, но, едва появившись на «Олд Траффорде», он, по-моему, тут же понял, что заменить Алекса Фергюсона – задача не из легких. Свой первый матч в сезоне, с «Суонси» на чужом поле, «Юнайтед» выиграли со счетом 4:1. Затем они встречались на своем поле с «Челси», должны были играть с «Ливерпулем» на чужом. Казалось странным слышать, что Мойес жалуется на заговор во время процедуры составления календаря игр.

– Ну, прежний тренер рассказал мне, что такое случается, – заявил Мойес. – Начало этого сезона – самое тяжелое для «Манчестер Юнайтед» за последние двадцать лет. Надеюсь, календарь игр сделали в этом году таким напряженным не из-за того, что в прошлом году победа в лиге далась нам без особых усилий. Мне трудно поверить, что это шары так вышли из мешка.

Всем известно, что календарь игр в Премьер-лиге генерируется с помощью программного обеспечения, да и у «Астон Виллы» старт даже еще напряженнее, чем у «Юнайтед». «Вилла» играли первые три матча в течение восьми дней, а «Юнайтед» и «Ливерпуль», например, провели то же количество встреч в рамках лиги более чем за две недели. Первые два матча «Вилла» играли с «Арсеналом» – и выиграли со счетом 3:1 на чужом поле – и с «Челси». Потом они проиграли на своем поле «Ливерпулю». Однако Пол Ламберт не ныл по поводу календаря матчей.

Я с юности привык к тому, как Фергюсон и Моуринью хаяли мифические заговоры, якобы направленные против «Юнайтед» и «Челси». Рафа Бенитес, будучи в «Ливерпуле», тоже пытался применить эту тактику, но с меньшим успехом. Мне кажется, Мойес совершил ту же ошибку.

Я люблю говорить с журналистами честно. Это значит, что, избегая цитат, которые приводят к неприятностям, манипуляций или попыток оказать давление на администрацию или чиновников, по-моему, едва ли есть смысл делать громкие заявления. Поэтому на пресс-

конференции перед матчем с «Юнайтед» я отвечал честно. Меня спросили, считаю ли я, что после двух побед мы стали ближе к тому, чтобы однажды выиграть в Лиге.

– Я бы хотел завоевать титул победителя Премьер-лиги, но в тридцать три года приходится смотреть на жизнь реально и отвечать, что мне осталось, пожалуй, еще два-три года, – сказал я. – Пока мне до победы в лиге еще далеко. Мне приходится быть готовым к самому худшему, но я никогда не сдамся и буду бороться за нее. Возможно, вернуться в Лигу чемпионов и не такая уж недостижимая цель, но и тогда будет непросто.

Я С ЮНОСТИ ПРИВЫК К ТОМУ, КАК ФЕРГЮСОН И МОУРИНЬЮ ХАЯЛИ МИФИЧЕСКИЕ ЗАГОВОРЫ, ЯКОБЫ НАПРАВЛЕННЫЕ ПРОТИВ «ЮНАЙТЕД» И «ЧЕЛСИ».

Можно возразить, что и я, и Мойес – капитулянты. Но я говорил от души и без утайки о наших видах на будущее, удивляясь при этом, неужели Мойес становится немного параноиком – черта, которой я за ним никогда не замечал, пока он так потрясающе справлялся со своими обязанностями в «Эвертоне».

Брендан тоже почувствовал, что происходит, и как тренер сделал более глубокие выводы из этой, возможно, новой слабости давних соперников. Впервые с 1986 года «Юнайтед» вышли на «Энфилд» без Фергюсона во главе. Брендан сказал, что заметил перемену в умонастроениях «Манчестера» после ухода Ферги, и заикнулся о том, что под руководством Мойеса они играли более осторожно и довольствовались ничейным счетом в домашнем матче с «Челси».

– Дело шло к ничьей, а на «Олд Траффорде» даже ропота не слышалось. Когда был Ферги, он бы шел к победе, так что трибуны чуть ли не рассчитывали на то, что к концу матча будет гол. Сейчас в «Юнайтед» все, похоже, немного изменилось. Осторожность я понять могу, но я всегда стремлюсь к победе на своем поле.

Это был аккуратный камешек в огород Мойеса и способ увеличить давление на него. Я же сосредоточился на подготовке к матчу. Даже без Фергюсона «Юнайтед» – настоящее испытание для нас.

– Я БЫ ХОТЕЛ ЗАВОЕВАТЬ ТИТУЛ ПОБЕДИТЕЛЯ ПРЕМЬЕР-ЛИГИ, НО В ТРИДЦАТЬ ТРИ ГОДА ПРИХОДИТСЯ СМОТРЕТЬ НА ЖИЗНЬ РЕАЛЬНО И ОТВЕЧАТЬ, ЧТО МНЕ ОСТАЛОСЬ, ПОЖАЛУЙ, ЕЩЕ ДВА-ТРИ ГОДА, – СКАЗАЛ Я.

Энфилд, воскресенье, 1 сентября 2013 года.

Пока на трибунах «Энфилда» эхом раздавались аплодисменты, мы стояли в две шеренги: одиннадцать игроков «Ливерпуля» лицом к лицу с одиннадцатью футболистами «Манчестер Юнайтед». Мы хлопали Биллу Шенкли, в честь столетнего юбилея со дня его рождения. Мы стояли в своих привычных красных футболках спиной к трибуне наших фанатов, а игроки «Юнайтед» в темно-синем с черным смотрели на мозаику позади нас. Я взглянул на нее до того, как мы собрались у центрального круга, чтобы провести минуту аплодисментов. Возле «Энфилда» стоит памятник Шенкли – из бронзы, с вытянутой вперед рукой. Шенкли празднует еще одну победу и славит все то, чего он достиг, когда поднял «Ливерпуль» из разряда посредственных клубов до выдающихся. Глубокие морщины на улыбающемся лице памятника – поперечная на лбу и под глазами – без всяких слов говорят обо всем, что он дал клубу. Беспокойство и напряжение, любовь и страсть к «Ливерпулю» изобразили лицо Шенкли.

Мозаика, созданная фанатами на трибуне, повторяла форму памятника. Жизнеутверждающие очертания Шенкли были обозначены красными карточками, которые наши фанаты держали в руках, а с другой стороны ворот тем же цветом выделялось число «100». Вся

остальная часть фанатской трибуны представляла собой сложное сооружение из белых. Выглядело это невероятно.

При виде двух самодельных растяжек почти в самом низу трибуны я подумал о прорезанной заботами борозде на лице Шенкли, о его беспокойстве за «Ливерпуль». Первая гласила:

«ШЕНКЛИ, 1913–1981.
ОН ПРИНЕС ЛЮДЯМ СЧАСТЬЕ».

На второй же было написано просто:

«Шенкли вечно жив».

Шенкли руководил «Ливерпулем» 753 игры, его спортивная карьера продолжалась пятнадцать лет, с 1959 по 1974 год. Завершение его пути в «Ливерпуле» был печальным и сложным, но его наследие измеряется не только трофеями: оно определяется идеями и ценностями, которые он привил в клубе. Черета тренеров идет от Шенкли к Бобу Пейсли, Джо Фэгану и Кенни Далглишу. Четверо этих тренеров, выкованных в Boot Room и отмеченных печатью гения, заботились о «Ливерпуле» более трех десятков лет.

На фоне этого двадцать шесть лет, что Алекс Фергюсон провел у руля «Юнайтед», выделяются как исключительное достижение одного человека. Фергюсон поставил себе стратегическую задачу – свалить нас.

– Моя величайшая задача – сбросить «Ливерпуль» с этого их проклятого насеста, – сказал он однажды. – И можете это напечатать.

Эти слова намертво врезались в голову каждого ливерпульского фаната. Мы никогда не любили друг друга как клубы и как города, но враждебность еще усугубилась. «Ливерпуль» так долго лидировал, а потом «Юнайтед», наконец, взял верх под руководством Фергюсона. Мы – два самых успешных клуба за всю историю английского футбола. И мне обидно при мысли о том, что мы застряли на восемнадцати победах в лиге, тогда как «Юнайтед», которые десятки лет плелись у нас в хвосте, поглощали один чемпионат за другим. В течение трудных первых лет тренерства Ферги они завоевали всего семь по сравнению с нашими восемнадцатью.

«Юнайтед» двадцать шесть лет играли без побед в лиге. А потом, в 1996–1997 годах, за два года до моего дебюта на профессиональном уровне, началось их восхождение. Они, к огромному удовольствию Фергюсона, плавно миновали наш рекорд из восемнадцати побед и одержали двадцатую победу в его последний сезон, всего четыре месяца назад. «Юнайтед» вновь встречались с нами как чемпионы, и я больше, чем прежде, хотел одержать над ними верх.

В Уитоне меня, да и каждого второго ребенка из семьи болельщиков красных учили ненавидеть «Манчестер Юнайтед». Это вдалбливали нам в головы, ожесточая сердца и подготавливая наши души, чтобы мы стали фанатами «Ливерпуля». Спустя годы, особенно когда я играл в сборной Англии вместе с такими выдающимися футболистами из «Юнайтед», как Пол Скоулз, Дэвид Бекхэм, Гарри Невилл, Рио Фердинанд и Уэйн Руни, мои чувства стали сложнее, но никуда не делись. Я все еще не люблю «Юнайтед», и их футболка – единственное, чего я не допущу в своем доме. У меня большая коллекция футболок, которыми я обменивался с другими игроками из разных клубов, но ни одной «Манчестер Юнайтед». Однако я уважаю и восхищаюсь их лучшими игроками и своими товарищами по сборной Англии. Мы даже стали друзьями, и я понимаю, что имел в виду Гарри Невилл, когда мы говорили о его пресловутом высказывании по поводу ненависти ко всем ливерпульцам.

Имея в виду свое прошлое в «Бери» и детство, когда он был фанатом «Юнайтед»: «Меня, в моем городе, воспитывали в ненависти к ливерпульцам». Он объяснял, как его растили – ровно так же, как меня в Уитоне учили ненавидеть «Манчестер». И все же я уважаю

Фергюсона, и Роя Кина, и Райана Гиггза, и многих других из числа их ключевых фигур. Я даже скрепя сердце уважаю то, чего они добились как футбольный клуб.

У «Юнайтед» двадцать побед в лиге по сравнению с нашими восемнадцатью. Кроме того, они завоевали одиннадцать Кубков Англии против наших семи. Зато мы выиграли восемь Кубков футбольной лиги, а они – четыре и три Кубка УЕФА. Эти два состязания не сравнить с тем единственным, которое действительно имеет значение, – главным клубным турниром в мировом футболе. Кубок европейских чемпионов «Манчестер Юнайтед» выигрывали три раза. Зато «Ливерпуль» становился чемпионом Европы пять раз – и это незабываемо. Поэтому-то, вскоре после матча в Стамбуле, жители этого города начали носить красные футболки с недвусмысленной надписью: «Хью – Томпсону, Томпсон – Сунессу, Сунесс – Джеррарду».

Эмлин Хьюз был капитаном «Ливерпуля» во время турнира Кубка европейских чемпионов в 1977 и 1978 годах. Фил Томпсон в 1981 году, а Грэм Сунесс в 1984 году также поднимали этот трофей, а потом, в Лиге чемпионов 2005 года, подошла и моя очередь. Эта пятерка трофеев по сравнению с тремя у «Юнайтед» означает, что мы все еще занимаем влиятельное положение в Европе. И все же я жажду заполучить для «Ливерпуля» девятнадцатый титул – первый для меня – и сократить разрыв с «Юнайтед» в Англии. У меня были удачные моменты в матчах против «Манчестера», и мне до сих пор приятно вспоминать о пушечном ударе с тридцати пяти метров, которым я вогнал мяч в ворота Фабьена Бартеза 31 марта 2001 года, когда мы выиграли 2:0 на «Энфилде». Я сделал голевую передачу Робби Фаулеру, и он забил второй гол, благодаря которому мы оформили наш первый за долгие двадцать один год дубль из побед над «Юнайтед» в одном сезоне. Но этих эпизодов недостаточно. Мне хотелось большего.

Когда дело доходит до победы или поражения в лиге, я чувствую себя ровно как Шенкли. «Если ты первый, ты – первый, – говорил он. – Если ты второй, ты – ничто».

В столетний юбилей Шенкли нас воодушевляла вера. Она помогла убедить Даниэля Старриджа, что он готов к игре (тем более что это был еще и его 24-й день рождения), и мы налетели на «Юнайтед». Мы обрушились на них быстро и решительно и уже на третьей минуте заработали угловой.

Я бросился направо, повернувшись лицом к трибуне со стороны Энфилд-роуд и глядя на наших фанатов у самого углового флажка и позади этой стороны ворот. Многочисленная толпа фанатов «Юнайтед» занимала самые верхние места вдалеке, слева от меня. Самое время сделать глубокий вдох – я вновь развернулся и оказался возле мяча. Я направился к снаряду, примерился и на миг остановился. Я видел, что у ближней штанги ворот двое защитников «Юнайтед» опекают одну из моих целей, Старриджа. За ним, на краю штрафной, мне упорно махал Даниэль Аггер. Я поднял левую руку.

Я вновь отступил на шаг и примерился с правой ноги. Мяч поднялся от земли, описывая ровную, красивую дугу. Никем не замеченный и только потом преследуемый лишь Фердинандом, Аггер идеально принял его на голову. Мяч полетел в створ, а Старридж, находясь спиной к воротам, подправил его еле заметным движением головы назад. Удар не застал Давида де Хеа на позиции, и ни Эвра, ни Том Клеверли у дальней штанги не смогли достаточно быстро среагировать и остановить пролетевший мимо них мяч. 1:0. Старридж.

Именинник бросился прочь – еще один гол стер из его памяти все предматчевые сомнения и мысли о больном бедре. После обоих голов во время матча с «Ноттс Каунти» в середине недели Старридж демонстрировал свой танец – «катание на волне», когда он делает змейку по очереди каждой рукой, стоя с совершенно невозмутимым видом. Он хотел вновь пуститься в пляс, но бритоголовый Мартин Шкртел и знать ничего не хотел. Шкртел в восторге нагнал Старриджа, тут же набросившись и крепко обхватив бомбардира за шею. Старридж пытался вывернуться, но от Шкртела не уйдешь! Наш большой, крепкий и лысый

защитник так и бежал до самой боковой с головой Старриджа под мышкой. Вскоре к ним сумасшедшей толпой присоединились ливерпульские игроки с этого фланга. Секунд через десять, когда Даниэля наконец выпустили, я внимательно поглядел на него. Подняв обе руки, он с облегчением воздел глаза к небу – два пальца вверх в знак благодарности. Его вера помогла ему. После всех своих мучений, когда он думал «я не прав, я не прав, не прав», он выглядел таким счастливым, каким я его еще никогда не видел. Я оглянулся на скамейку запасных. Брендан Роджерс и весь медицинский состав сияли. Наши настояния принесли плоды, да и мои уговоры во время той долгой пятнадцатиминутной прогулки с Даниэлем не пропали даром. Он только что забил свой одиннадцатый гол в девятом матче за «Ливерпуль».

«Юнайтед» не хватало Руни. Он, наконец, когда ему предложили новый контракт с суммой, как говорят, в 300 000 фунтов в неделю, решил остаться на «Олд Траффорде». Но несколько дней назад на тренировке он разбил голову – нужно было наложить десять швов. И Руни не приехал на игру на «Энфилде». Играл Гиггз, которому через пару месяцев должно было стукнуть сорок, но едва ли он мог что-то сделать, чтобы зажечь нерешительный «Манчестер».

Мы тоже не блистали. Матч был отрывочным – было несколько возможностей и запоминающихся моментов. Шкртел, который вернулся в состав, чтобы заменить травмированного Туре, и Аггер доминировали в защите, а «Юнайтед» все больше и больше отчаивались. Робин ван Перси, похоже, толкнул Шкртела головой, тот упал, и я вмиг очутился рядом как раз перед перерывом. Мы с ван Перси оказались нос к носу, схватившись в серьезных гляделках и перепалке, пока я не заметил, что со Шкртелом все в порядке. Большой Мартин справился сам.

Во втором тайме «Юнайтед» больше ничем не угрожали, и мы доиграли матч без особых усилий. Третий матч подряд мы выигрывали с одним и тем же счетом: 1:0 (Старридж). Во время игры он больше почти ничего и не делал, зато он забил гол, который принес очки.

Статистики подсчитали, что мы – только третий клуб за всю историю высшего дивизиона английского футбола, который выигрывал первые три игры сезона со счетом 1:0. До этого такое случалось дважды, почти сто лет назад: с «Манчестер Сити» в 1912–1913 году и «Хаддерсфилдом» в 1920–1921 году. Статистика, которая заинтересовала меня больше, такова, что мы стали лидерами Премьер-лиги и единственным клубом с чистым рекордом в девять очков после трех матчей. Еще удивительнее было услышать реакцию Дэвида Мойеса. Должно быть, он пытался воспользоваться давним трюком Ферги и подтасовывать заголовки, внушая журналистам собственное пристрастное мнение об игре «Юнайтед». Это не сработало. Мойес – очень милый человек, а не свирепый диктатор, а «Юнайтед» играли ужасно. Бывший тренер «Эвертона», который мне так нравился, казался потеряннным и смущенным.

– Я понимаю, почему сегодня чемпионы – мы, – заявил Мойес. – Думаю, мы и вправду играли неплохо.

На вопрос, беспокоят ли его трудности, которые возникают у «Юнайтед» на рынке трансферов, Мойес ответил, что он «более чем доволен» составом своей команды.

– После такой игры я бы не стал переживать.

Я подходил к международному перерыву и двум отборочным матчам чемпионата мира в составе сборной Англии, чувствуя себя, как никогда, полным счастья и надежд. У «Манчестер Юнайтед» сложности, а «Ливерпуль» возвращается туда, где ему и положено быть.

Предстояла более серьезная битва. Борьба все еще была очень мучительной, но год назад, холодным, серым утром 12 сентября 2012 года, общее настроение вдруг изменилось. Мужественные семьи 96 ливерпульских болельщиков, погибших 15 апреля 1989 года во время полуфинального матча Кубка Англии между «Ливерпулем» и «Ноттингем Форест» на «Хилсборо», собрались в городском англиканском соборе. Когда после того, как 23 года они

узнавали правду в искаженном виде, эти семьи заслушали новые показания, у них, наконец, появилась надежда. Теперь всем стало ясно, что – как всегда утверждали семьи погибших – имела место организованная кампания с целью обвинить во всем беззащитных и невиновных фанатов. В отчете 2012 года, наконец, открыли правду об этом страшном дне. Я до сих пор помню, как в апреле 2009 года, в двадцатую годовщину катастрофы, освистали Энди Бернэма, в то время министра культуры, средств массовой информации и спорта в лейбористском правительстве. Бернэм родом из Ливерпуля и сам футбольный болельщик, фанат «Эвертона». Он думает и о нас, и о тех трагических событиях. Но ничего не предпринимали так долго, что негодование близких прорвалось наружу. Когда он отдавал дань памяти погибшим, его обозвали лицемером. Это оскорбление Бернэмом принял как выражение глубокого негодования и обиды. Двадцать лет все вопросы, которые поднимала группа поддержки семей погибших на «Хилсборо», игнорировались. И вот в конце концов назначили новое следствие. Ровно через год после этого знаменательного дня, когда были заслушаны выводы независимой комиссии, последовали и дальнейшие действия. Было уже обещано, что новое следствие начнется в Уоррингтоне не позднее 31 марта 2014 года. А в четверг утром, 12 сентября 2013 года, Джон Стодарт, бывший начальник полиции Дарема, сказал:

– Мы выясняем, какие обязанности лежали на всех участниках: как государственных представителях, так и частных лицах. Мы расследуем преступление – кто в ответе за смерти. Эти 96 человек отправились на «Хилсборо» смотреть футбольный матч. Мы хотим знать, что произошло, как это произошло и почему, а также на ком лежит ответственность за это.

Мой двоюродный брат, Джон-Пол Гилхули, был самым юным из девятилетнего. Ему было всего десять. Я уже был в Академии, в центре подготовки «Ливерпуля», и через пару месяцев мне должно было исполниться девять. У нас с ним была общая страсть. Мы обо-жали «Ливерпуль». Это был наш клуб, наша мечта. Иногда мы вместе играли в футбол возле моего дома на Айронсайд-роуд, и тогда Джон-Пол присоединялся к нашей многочисленной шайке, и мы бешено гоняли мяч. Помню, мы с Джоном-Полом всегда ходили в красных «ливерпульских» комплектах. Нас связывал футбол и футбольный клуб «Ливерпуль».

Мы с мамой, папой и братом Полом смотрели новости, которые показывали по телевизору. Наш полуфинальный матч Кубка Англии с «Форест» остановили на шестой минуте. Мы слушали начало игры по радио, но не могли понять, что случилось. Страшные сцены, которые я видел по телевизору, где люди металась туда-сюда по полю, на носилках переноса тела ливерпульских болельщиков, ошеломили и поразили меня. В ту ночь я не смог заснуть. Мы и не догадывались, что Джон-Пол пошел на матч. Мы узнали о том, что нашу семью постигла потеря, только следующим утром, когда в полвосьмого дедушка Тони постучал нам в дверь. Дедушка жил в доме напротив, и было ясно, что произошло нечто ужасное. Когда родители вышли в гостиную, дедушка больше не мог сдерживаться.

– У меня плохие новости, – заявил он. – Джон-Пол ушел на матч и не вернулся.

Это было уже слишком. Джон-Пол? Это не могло быть правдой. Дедушка рассказал нам все, что знал. Джеки, мама Джона-Пола, сообщила сыну потрясающие новости. Брайан Гилхули, дядя Джона-Пола, умудрился достать лишний билет на матч. Он спросил Джеки, пойдет ли Джон-Пол на «Хилсборо». Представляю, как бы я одурел от восторга, предложи кто мне такое. Шанс посмотреть на «Ливерпуль» в полуфинале Кубка Англии? Должно быть, это прозвучало невероятно.

В возрасте восьми лет сложно принять правду. Однако для окружавших меня взрослых это стало гораздо более тяжелым ударом. Они понимали. Они представляли себе последние минуты жизни Джона-Пола. Я не мог поднять головы. Весенним утром 1989 года Джон-Пол ушел на футбольный матч смотреть, как играет могучий «Ливерпуль», и больше не вернулся. Как? Почему? За что?

По крайней мере в то ничем больше не примечательное сентябрьское утро субботы мы еще на шаг приблизились к справедливости. Эта четверть века, прошедшая после катастрофы, вывернула всю душу у стольких семей в Ливерпуле.

Имя моего двоюродного брата высечено на мемориале Хилсборо неподалеку от ворот Шенкли на «Энфилде». Джон-Пол Гилхули, один из девяноста шести. Я думаю о нем всякий раз, когда захожу на «Энфилд» и прохожу мимо мемориала.

Сезон потихоньку продолжался, и наступила осень 2013 года. Во время международного перерыва сборная Англии достигла еще больших успехов в нашей отборочной группе к чемпионату мира. Я забил первый гол в разгромном матче со сборной Молдовы со счетом 4:0 на «Уэмбли». Остальные мячи забили Рики Ламберт и Дэнни Уэлбек, который дважды поразил сетку ворот. Затем мы отправились в Киев, где заработали важное очко в ничейном матче со сборной Украины, нашем ближайшем противнике в группе «Н». В сборной Англии, как обычно, была неразбериха. Во время матча, когда мы разбили «Манчестер Юнайтед», Старридж усугубил травму бедра и пропустил оба матча в составе сборной. В августе его признали игроком месяца в Премьер-лиге и потому-то и обвинили в том, что он подвел сборную Англии. Скандал поднялся из-за того, что в интервью сайту клуба Даниэль сказал, что ему необходимо сосредоточиться на «Ливерпуле». Его упрекали в пренебрежительном отношении к своей стране.

Я не любитель Твиттера, но Даниэль правильно поступил, когда после всех посыпавшихся на него обвинений написал правду: «Если я хорошо сыграю за клуб, я выйду и за сборную. Если же я не в форме, то я не могу играть. Не нужно перекручивать. Игра за сборную – это кульминация».

Пройдя интенсивное лечение в Мелвуде, он был готов играть в следующем матче в чемпионате. В понедельник, 16 сентября, мы отправились на стадион «Либерти», чтобы встретиться с «Суонси Сити», клубом, где Брендан прежде был главным тренером. Матч был сумасшедшим, потому что все четыре гола не обошлись без участия Джонджо Шелви, который летом покинул «Ливерпуль». Шелви, хороший и честный профессионал, ошибся, исправил свой промах и забил за «Суонси» через восемьдесят семь секунд после начала, прежде чем, словно извиняясь перед прежними товарищами, не попытался в следующее касание выполнить передачу назад. Она ушла прямо на Старриджа – 1:1 после четвертой минуты. Всего через полчаса Шелви закрыл лицо руками. Он ошибся, и его пас перехватил Виктор Мозес, который вышел вместо Аспаса. И арендованный у «Челси» игрок пальнул по воротам. Шелви начал плавно перемещаться, и вот он уже головой запустил пас через голову защитника, сделав голевую передачу Мичу. А тот сравнял счет на шестьдесят четвертой минуте. И завершил Шелви свою причудливое выступление в этом матче предупреждением, полученным после жестокого подката против Лукаса. Игра окончилась 2:2, и всем хотелось взять интервью у Джонджо.

Два потерянных ценных очка обернулись пятью, когда в ту же субботу нас обыграли 1:0 в Саутгемптоне. Брендан решил играть с четырьмя центральными защитниками, выведя Туре на правый фланг, чтобы заменить получившего травму Глена Джонсона, и оставив Энрике на скамье. Кроме того, с нами не было Коутиньо, которому после игры с «Суонси» требовалась операция на плече.

«Саутгемптон» под руководством Маурисио Почеттино – неплохая команда. У них трое игроков, с которыми мы подпишем контракты летом: Деян Ловрен, Адам Лаллана и Рики Ламберт. Мы же играли плохо и, даже со всеми нашими центральными полузащитниками в обороне, пропустили единственный в матче гол, который был домашней заготовкой. Лаллана подал угловой, назначенный после недопонимания между Туре и Шкртелом, а Ловрен освободился от опеки от Аггера и головой направил снаряд мимо меня, пока я пытался закрыть ворота на ближней штанге.

Брендан вполне справедливо разъярился:

– Сначала потерять мяч, а потом пропустить гол с таким числом защитников на поле – это преступление. Я бы хотел, чтобы у меня был состав посильнее, но мы имеем, что имеем. Единственный положительный момент за сегодняшний день – то, что срок дисквалификации Луиса закончился. Здорово, что он возвращается, ведь технически мы совершенно не оправдали ожиданий. Мы выдохлись – с самого начала. Сегодня был не наш день, и это досадно, но я все еще с надеждой смотрю на продолжение сезона.

История с Луисом Суаресом вновь повторилась. Она не желала становиться чуть менее пикантной, и поэтому первый матч после окончания срока дисквалификации Суарес неизбежно играл с «Манчестер Юнайтед» на «Олд Траффорде». Наверно, могло быть и хуже: это мог быть решающий матч в гонке за титул с «Челси», а не матч за Кубок Английской лиги. Игру Луиса против Бранислава Ивановича, когда только-только закончилась дисквалификация на десять матчей за укусы защитника «Челси», можно считать даже еще более радикальным вариантом. Но отношения Суареса с «Юнайтед» были испорчены еще раньше, после другого случая и дисквалификации.

Почти два года назад, 15 октября 2011 года, во время, как всегда, напряженного и сложного матча между «Ливерпулем» и «Манчестер Юнайтед» в чемпионате на «Энфилде» я направился пробывать угловой перед фанатской трибуной. Я сконцентрировался исключительно на том, чтобы послать убойную передачу, которую Суарес или Дирк Кёйт могли бы переправить в сетку «Юнайтед». Я и не подозревал, что между Суаресом и Патрисом Эвра, защитником «Юнайтед» французского происхождения, разгорелась перепалка. Позже Луис сказал, что Эвра, который якобы в течение всего матча задевал его, перед угловым направился прямо к нему. Эвра спросил, почему Суарес только что пнул его. Это обычное дело, такое случается во время матчей, не считая того, что Суарес решил называть Эвра по-испански – *negro*. Перепалка продолжалась, игра шла своим ходом, а я ни о чем не догадывался. Я не знал и того, что, едва мы вернулись в раздевалку, Суареса вызвал Дамьен Комолли, тогдашний футбольный директор «Ливерпуля», и сказал, что Эвра обвиняет Луиса в расизме.

Игроки принялись обсуждать это. Но лишь позже вечером, посмотрев телевизионные материалы и заметив общую реакцию, я действительно понял, почему этот эпизод так раздули. Мы с Луисом никогда не говорили об этом. Разумеется, мне как капитану и как его товарищу хотелось бы оказаться рядом с Луисом тогда, но, думаю, ему было бы неловко обсуждать это. Этот случай расстроил его, а кроме того, в это вмешались вышестоящие представители клуба. Единственным игроком, которого привлекли к делу, стал Дирк Кёйт. Он стоял рядом с Луисом на поле и видел, что у того неурядица с Эвра. Когда они явились на разбор дела в Футбольной ассоциации, Дирк поддержал Луиса. Я же старался отстраниться от этой ситуации. Я был убежден, что Луис не расист, и мое мнение подтверждалось тем, что наш темнокожий товарищ Глен Джонсон поддерживал его. Однако налицо была проблема: слова Суареса против слов Эвра. Ни один из них не отступится от своей трактовки. Луис сказал, что «негр» в английском языке, где оно является оскорблением, совсем не то же самое, что испанское слово *negro* (произносится «негро»). Он даже заявил, что его жена порой называет его *negro*, потому что это слово по-испански значит всего лишь «черный», и она называет его «черным» из-за его черных как смоль волос.

Думаю, что ни «Ливерпуль», ни Луис не очень-то контролировали ситуацию, а вот Кенни Далглиш, наш тренер в то время, оказался в очень сложной ситуации. Я знаю, что многие посторонние критикуют Кенни за то, что он слишком защищает Луиса, и, пожалуй, так и есть. Но как капитан я понимаю, почему Кенни отказался идти против Луиса. Он, разумеется, верил ему, но, кроме того, был риск поссориться с лучшим игроком, а тот затем потребует выхода из клуба. Тогда обвинят Кенни.

А самое главное – Кенни будет стоять горой за своих футболистов. Возможно, порой такая благосклонность неразумна, но за это-то он мне и нравится. Меня всегда вдохновляла его любовь к клубу и то, на что он готов ради него. Игроков очень воодушевляет сознание того, что у него такая поддержка тренера. Это – еще один пример того, как «Ливерпуль» инстинктивно защищает свое. Кое-кто из игроков во главе с Пепе Рейна решил перед назначением на середину недели, на 21 декабря 2011 года, матчем с «Уиганом» надеть футболки с лицом Луиса впереди и его номером на спине. У меня была травма, и поэтому я и не догадывался, что затевается, пока не увидел это по телевизору: игроки разминались в этих скандальных футболках всего через сутки после того, как Суареса признали виновным в оскорблении Эвра по расовому признаку.

Одним из тех, кто раскритиковал этот поступок, был Пол Макграт, один из немногих темнокожих футболистов прежних лет.

– На месте Глена Джонсона, – сказал Макграт, – я бы швырнул эту футболку на пол.

Глен не замедлил ответить ему. Он недвусмысленно написал в Твиттере, со множественным восклицательных знаков: «Я буду поддерживать кого хочу и когда хочу!!! Есть множество причин, почему я защищаю Луиса Суареса!!!»

Алан Хансен, еще одна легенда «Ливерпуля», тогда совершил ошибку, заговорив в передаче *Match of the Day* о «цветных» футболистах. Он извинился, но это было далеко не все. Я не могу наверняка сказать, что в точности произошло между Суаресом и Эвра. Думаю, только сам Луис знает, виноват он или нет. Если да, как считали многие, то я не могу поддержать его. Я никогда не приму расизма в какой бы то ни было форме. Но поскольку нет никаких способов выяснить точно, правда это или нет, мне придется прислушаться к своей интуиции и поверить товарищу.

Луиса отстранили на восемь матчей. Но мы все понесли наказание, потому что на поле нам его не хватало, и в конце концов эта история стала плохой рекламой для каждого в клубе. Поэтому мы все немного пострадали, хотя Суарес и Эвра, разумеется, были главными потерпевшими.

Затем вмешались футбольные боги, словно им нравилась эта дешевая «мыльная опера». После завершения дисквалификации за проявление расизма, 11 февраля 2012 года, первой игрой Луиса стал матч с «Манчестер Юнайтед» на «Олд Траффорде». В раздевалке я спросил Лукаса Лейву, который переодевался рядом с Луисом, известно ли ему, что будет, когда мы выстроимся против футболистов «Юнайтед» для рукопожатия перед матчем. Лукас заверил, что проблем не возникнет. Луис говорил ему, что готов пожать руку Эвра.

Однако, когда я повел команду вдоль строя игроков «Юнайтед», возник очередной скандал. Далеко позади меня Суарес в конце концов не пожал руки Эвра. Алекс Фергюсон назвал поступок Суареса «позорным» и заявил, что того нельзя больше выпускать играть за «Ливерпуль». Ерунда.

Полтора года спустя, в сентябре 2013 года, после очередной дисквалификации Суарес вновь оказался против «Манчестер Юнайтед». Накал был не таким сильным благодаря тому, что Фергюсон ушел, а у Эвра была травма. Но «Юнайтед» были в еще большем затруднении, в предыдущие выходные их со счетом 4:1 разгромили «Манчестер Сити». Луис выходил из туннеля последним. Местные болельщики освистали его. Но Луис поцеловал татуировку на правом запястье в честь своей семьи, и наши фанаты взревели, выкрикивая его имя. Он показал им поднятые вверх большие пальцы. Луис казался непринужденным, он даже улыбался в ожидании рукопожатия. На этот раз никто не убрал руки. Все обменялись рукопожатиями, и мы, наконец, вновь вышли как футбольная команда с Луисом Суаресом во главе. Уэйн Руни также вернулся на поле после травмы. Вокруг его головы была повязана черная защитная лента, закрывавшая рану, которая не позволила ему играть в матче на «Энфилде». Первый тайм был ничем не примечательным, однако Руни помог сдвинуться с

мертвой точки, когда мы вышли на поле после перерыва. Он выполнял угловой и, когда все наши защитники собрались на месте, нашел Хавьера Эрнандеса, который, просто перенаправив мяч, забил. Для «Юнайтед» это оказалось до смешного просто.

Уже шестой матч подряд с начала сезона нам вновь не удалось забить во втором тайме. На «Олд Траффорде» мы скопировали наше поражение «Саутгемптону» 1:0, если не считать того, что в последние двадцать пять минут мы в основном владели мячом. Суарес приблизился вплотную, начиная после сбивчивого старта входить в ритм. На семидесятой минуте он обошел Джонни Эванса и послал закрученный мяч, который едва не попал в створ. Через минуту он попал в штангу со штрафного. Кроме того, он старался изо всех сил, как я всегда и предполагал. Я уверен, что Луис будет меняться только в лучшую сторону, и матч прошел по крайней мере гладко, без всяких столкновений.

При финальном свистке Дэвид Мойес явно испытал облегчение. Он изобразил радостный жест рукой, пожал руки всем игрокам и преувеличенно похлопал трибуне Стрэтфорд-энд. Мы только что вылетели из Кубка Английской лиги, и наши цели в этом сезоне – и так без европейского турнира – сузились до Премьер-лиги и Кубка Англии. Мы не имели права раскачиваться или отвлекаться. Заполучив обратно Суареса, и «Ливерпулю», и мне было уже пора браться за дело.

Первый прорыв был сделан через четыре дня, 29 сентября, в матче против «Сандерленда». И так продолжалось и дальше, несмотря на одно поражение и следующую за ним сомнительную игру, до самого Рождества 2013 года. Наши победы вовсе не были заурядными – мы изматывали противников или сматывались домой с очередным счетом 1:0. А дни становились все холоднее и дождливее, короче и темнее. Но нам все казалось иначе – будто стоит жара и шпарит солнце.

Разумеется, мы осуществляли натиск и бежали, и вновь атаковали, жали до последнего, при необходимости шли на сближение с противниками, вынуждая их ошибаться. Мы выжимали из них все соки, а затем до смерти пугали их мощной дозой снадобья, которое зовется Суаресом. Они со Старриджем излучали мощные, головокружительные волны волшебства, а потом вернулся и Коутиньо, еще один маленький волшебник. Вскоре в стартовом составе каждый раз стал выходить Стерлинг, лучащийся надеждой и мощью, а противники ничего не знали о нем. Малыш удивил их – точно так же, как когда-то удивил нас, – своей силой и сноровкой. Хендерсон заряжал команду живой энергией. От него исходила уверенность, которая сливалась с командной верой.

Я забивал голы, отдавал голевые пасы с игры и со стандартных положений, а между делом иногда бил по воротам. Все это мне не в новинку, и все же я не устаю от этого. Было столько трепетных, впечатляющих моментов, что они начали складываться в нечто более значительное. Наша игра была цельной и яркой.

Неустойчивой была защита. Миньоле иногда делал ошибки и пропускал голы, но при этом он продолжал зрелищно защищать ворота. У нас были и автоголы, позиционные ошибки в центре защиты, но Шкртел – настоящий боец, стойкий и жесткий, а Аггер с Джонсоном и остальные, особенно милый ливерпульский малыш Джон Флэнаган, показали, что мы можем и защищаться, а не только ломиться вперед, когда противники склоняются перед сноровкой, упорством и скоростью Суареса. И он, и Старридж забивали голы.

Суарес и Старридж задавали тон, и каждый старался не отставать. Брендан развернулся в тренерской работе. Лучших тренировок я до того не видал, и с людьми он работал отлично, был добр и подходил творчески. Мне и вправду кажется, что с возвращением Луиса после его дисквалификации во время предсезонья у нас были тренировки самого высокого уровня за все время моего пребывания в «Ливерпуле» с той поры, когда был Торрес и Рафа. А их интенсивность, пасы в одно касание были, пожалуй, даже выше. Бывали у нас матчи «пять на пять», когда противники даже не успевали коснуться мяча. Мы их разбивали наголову.

Потом перемена – и то же происходило с моей командой, и нас выбивали из соревнований «пятерок».

И такое исключительное качество игры наблюдалось у всего состава команды. Больше не было такого, что есть стартовый состав, а остальные выходят время от времени или сидят на скамейке запасных. Брендан руководил командой так ловко, что каждый всегда считал, что у него есть шанс попасть в стартовый состав. Перед матчами и во время игры нас подбадривали и воодушевляли. Да и между играми в клубе царила здоровая атмосфера.

Сидеть вечером дома по вторникам и средам и смотреть матчи Лиги чемпионов, разумеется, было мучительно. Но, в свете Премьер-лиги, это – идеальная подготовка.

В «Ливерпуле» был четко заведенный порядок. За четыре дня до предстоящего матча был день силовых тренировок: только прокачка квадрицепсов и задней поверхности бедра. Потом за три дня до игры – день упражнений на выносливость, когда задания более продолжительные и нужно работать на износ. За два дня до матча мы концентрировались на скорости, когда все упражнения – только на быструю реакцию и подготовку к матчу. За день до игры мы возвращались в Мелвуд и почти ничего не делали, так что во время матча готовы были летать. Благодаря этой неделе, когда мы готовились, не отвлекаясь на матчи европейского турнира и переезды, у нас было преимущество перед всеми остальными лидерами таблицы.

Вот поэтому-то поражение в кубковом матче на «Олд Траффорде» значит для меня гораздо меньше, чем то, как мы ответили в очередном матче лиги. «Сандерленд» недавно уволил Паоло Ди Канио, своего вспыльчивого тренера, но, уверен, им не начать с нуля, когда Суарес появится на поле, готовый затмить огни «Стэдиум-оф-лайт». Я-то знал, как он жестко тренировался, и можно было не переживать за то, что после такого долгого перерыва ему понадобится четыре-пять матчей, чтобы вернуться на прежний уровень.

Луис был спокоен и до ужаса сосредоточен во время тренировок перед этим матчем. Было видно, что он на самом деле загорелся. Думаю, он сильно винил себя за то, что его дисквалифицировали и он не может помочь команде. И он был решительно настроен заглядеть свою вину. Тут же после тренировок я звонил приятелям и отцу и сообщал:

– Суарес завелся. Говорю тебе, он был словно одержимый, когда первый раз вышел тренироваться. И теперь он перешел совсем на другой уровень.

Если у Луиса появится хоть один шанс против «Сандерленда», я уверен, он забьет. То же было и со Старриджем. Не забывай подпитывать его, и он непременно будет забивать. Отправляясь на северо-восток, я был настроен поистине оптимистично.

Солнечным днем в Сандерленде я выполнял угловой в первом тайме. Туре не удалось сделать передачу головой, но у дальней штанги Старридж головой отправил снаряд в ворота. Это был скорее случайный удар по мячу: он послал его не столько головой, сколько плечом, грудью и лицом, однако снаряд все же отскочил в сетку.

И тогда я, из глубины нашей половины поля, но имея пространство для движения и время оглядеться, послал один из своих «фирменных» длинных поперечных пасов. Этот приземлился точно там, где мне и было нужно, – в тридцати пяти метрах, у самых ног Старриджа на правом фланге. Он побежал к воротам, угрожающе виляя, а затем резким движением внешней поверхностью правой стопы направил его в створ ворот, куда плавно подошел Суарес и добил его: 2:0 – Старридж и Суарес.

В ликованиях убегая прочь, Суарес поднял вверх надетую в честь своего сына, который родился за два дня до того, футболку с надписью: «Добро пожаловать, Бенья! *Los Amo!*» Я добежал до него первым, но поскользнулся на дерне позади ворот, чуть не свалив Луиса. Я вмиг поднялся и обнял его. Фанаты Сандерленда наблюдали за нами в гробовой тишине, не считая отдельных выкриков, чтобы мы проваливали. Болельщики «Ливерпуля», столпив-

шиеся в гостевом секторе, были просто вне себя и распевали: «Луис Суарес... покусает, кого захочет... Луис Суарес... покусает, кого захочет...»

А нас покусали, когда Симон Миньоле не удержал многообещающий дальний удар Ки Сон Ёна. Он отбил его прямым на ногу Эмануэле Джаккерини: 2:1. И «Стэдиум-оф-лайт» засветился неожиданной надеждой на победу своей команды.

Оставалось две минуты, когда Адам Джонсон выполнял угловой «Сандерленда». Миньоле реабилитировался. Он вышел из ворот и без труда отбил его. Симон показывал, что наступил переломный момент, и подгонял нас, прежде чем послать мяч прямым на правый фланг Суаресу, который был у центральной линии поля. У «Сандерленда» было лишь двое защитников, которые со всех ног пятились назад, против четверки, состоявшей из Суареса, Лукаса, Старриджа и Стерлинга, которые шеренгой неслись к воротам. Суарес контролировал мяч, а Лукас мчался впереди в ожидании паса. Суарес решил перевести мяч поперек поля на Старриджа. Трое сандерлендских защитников пустились назад к штрафной площадке, а Суарес уже вовсю махал Старриджу. Он хотел получить мяч назад, хотел еще раз забить. Старридж вовремя сделал передачу, возвращая снаряд в зону, и Суарес пальнул с левой ноги: 3:1. Луис поднял футболку, вновь приветствуя Бенямина, целуя правое запястье и приплясывая в лучах солнца, а затем обернулся, демонстрируя признательность Старриджу.

В автобусе по пути домой я спокойно проговорил Крису Моргану:

– Думаю, мы сыграли неплохо, но давай просто попробуем продержаться и посмотрим, что будет.

Никто из нас не верил, что у нас действительно есть шанс выиграть Премьер-лигу. Дело скорее было в том, чтобы, если получится, на этот раз удержаться в четверке лидеров. Но раз уж мы после десяти матчей не сошли с трассы, кто знает, как далеко нам удастся зайти? Я чувствовал спокойную уверенность в том, что мы способны потягаться с любой командой.

Следующими мы обошли «Кристал Пэлас», выиграв у них 3:1 на «Энфилде». Голы забил Суарес, Старридж и я. Я реализовал пенальти, направив вратаря, Хулиана Сперони, в другую сторону. Но я не праздновал, как Луис или Даниэль. Я выполнил свою работу, и, если честно, всякий раз, исполняя пенальти, я рассчитываю забить. В отличие от Суареса с его взмахами футболкой и поцелуем запястья или Старриджа, который танцует, как робот-серфер, я лишь вытер пот с лица. Никто на меня не напрыгивал. Думаю, они знают, что я слишком стар для таких вещей после обычного, предсказуемого гола с пенальти. Кто-то потрепал меня за волосы – вот и все. Мы продолжали – лидеры лиги в конце этого теплого субботнего дня.

На следующей неделе сборную Англии ожидали два решающих отборочных матча на «Уэмбли»: с Черногорией и Польшей. Победа в обоих обеспечивала нам путевку на чемпионат мира, который состоится следующим летом в Бразилии. С играми в составе сборной всегда связаны давление, напряжение, нападки и неопределенность. Я уже начал больше задумываться о привычной, но непростой задаче – мне предстояло играть за свою страну и быть капитаном сборной.

Шла только первая неделя октября, и мы только что обыграли «Сандерленд» и «Пэлас». Я буду праздновать только что-то по-настоящему важное, когда пройдет это напряжение от матчей за сборную Англии, а «Ливерпуль» начнет обходить ближайших соперников. Впереди меня ждал еще долгий путь. Я пока не мог представить себе ни битву за чемпионство, ни чемпионат мира в Бразилии.

Глава четвертая. Отборочные этапы и позиции

На Айронсайд-роуд некоторые попадания я праздновал так, будто только что забил победный гол за сборную Англии в финале чемпионата мира. Обычно я был Газзой, надевая футболку сборной с его именем на спине и выписывая зигзаги с мячом, прежде чем вклеить его между двух мусорных контейнеров, служивших воротами. Еще я бывал Гари Линекером, который бьет пенальти на самой последней минуте финального матча на «Уэмбли», и едва мяч проскакивал между стальных контейнеров, я пускался в безумный торжествующий забег. Пробегая по Айронсайд-роуд, вопя от радости и потрясая руками в воздухе, я был национальным героем, чемпионом Англии, который упивается всеобщим обожанием.

Может, я сходил с ума по «Ливерпулю», но после чемпионата в Италии в 1990 году я помешался на сборной Англии. Это был Кубок мира, когда блистал мастерством Пол Гаскойн и забивал голы Линекер, когда вечерами мы всей семьей визжали у телевизора, когда Газза лил слезы и во время полуфинала с Западной Германией сжималось сердце. Я смотрел этот матч дома, когда мне едва исполнилось десять, и у меня комок подкатил к горлу, когда Газза получил желтую карточку и заплакал, понимая, что его отстранят на финальный матч. А получилось, что Стюарт Пирс и Крис Уоддл не забивали в смертельной серии пенальти. Англия была подавлена. Жестокое разочарование в Уитоне и по всей стране.

А на улице я придумывал другие ошеломительные концовки. Маленький Стиви Джеррард выходил на шаг дальше Газзы, своего героя из сборной, и шел напрямик к финалу Кубка мира, где забивал столь же выдающийся гол, какой я только что запустил между контейнеров на Айронсайд. Эти мечты были не менее реальны, чем мои фантазии о том, чтобы «Ливерпуль» выиграл в лиге, не считая того, что я был побольше.

На улицах Уитона я часто играл за сборную Англии и в дождливые, промозглые зимние дни, и душными летними вечерами. Совершенно неудивительно, что мы с моим старшим братом Полом, которого я называл Газзой за его пухлые щеки, боготворили Гаскойна. Даже не представляю, сколько раз я пересматривал «Gascoigne's Glory», распаяя свое воображение.

Прежде моим любимчиком в сборной Англии был Брайан Робсон. Капитан «Чудо» играл на центральной линии поля, совсем как я. Когда он надевал белую форму, я начисто забывал, что Робсон – игрок «Манчестер Юнайтед». Я ненавидел «Юнайтед», но любил Робсона. Однажды отец вернулся домой и увидел, что я на улице играю в футбол в футболке сборной с фамилией «Робсон» на спине. Он позвал меня домой на пару слов. О чем я только думаю? Носить футболку с этой фамилией! В Уитоне! Что подумают соседи? Отец терпел это дома, потакая мне и тоже понимая, какой Робсон выдающийся игрок для сборной Англии. Но на улице нужно иметь голову на плечах. Я кивнул, переоделся и вернулся на улицу в красной форме «Ливерпуля». И все же мне нравилось воображать себя Робсоном, а когда стал постарше – уроженцем Ньюкасла, вроде Газзы, или Линекером из Лестера, хоть он когда-то и играл за «Эвертон».

Сборная Англии жутко много для меня значила. Когда мне, казалось, представилась возможность перейти в Национальную футбольную школу в Лиллшолле, я решил, что, наверно, отправляюсь в рай. Джейми Каррагер уехал в Лиллшолл за два года до того. Майкл Оуэн уже был там, и Джейми Кэссиди тоже, а еще другой юный защитник «Ливерпуля», Томми Калшо. Я был уверен, что мое место в Лиллшолле вместе с другими ребятами, чье будущее – в сборной Англии. После испытания для мальчиков младше 15 лет мне казалось – я сыграл так хорошо, что непременно получу красивое приглашение. Я был капитаном юношеской команды «Ливерпуля» и шел к райской жизни ученика футбольной школы в Лиллшолле.

Когда на почту пришло письмо, были слезы. Там говорилось, что я прекрасный игрок, но при выборе учитывается множество других факторов помимо футбола. Я понятия не имел, о чем идет речь, потому что это было всё – не считая жестокой правды о том, что меня отсеяли, и, ох, я не должен сдаваться. Это меня добило. Я помчался наверх и бросился на постель, закрыл лицо подушкой и рыдал. Отец изо всех сил старался утешить меня. Он напомнил мне, как хорошо я справился с испытанием. Отец сказал, может быть, они считают, что мне нужно немного подрасти или стать поувереннее, прежде чем они решат увезти меня так далеко от дома на два года.

Я сквозь слезы взглянул на отца. Когда я, наконец, смог говорить, из меня полился целый поток слов.

– Я так больше не могу, – сказал я между очередными всхлипываниями. – Хватит с меня футбола.

Отец успокаивал меня и деликатно удерживал. Он говорил о «Ливерпуле». В «Ливерпуле» меня любят. В «Ливерпуле» меня ценят. Ко мне проявляют интерес такие тренеры, как Стив Хайвэй, Дейв Шэннон и Хьюи Маколи. Они в меня верят. И это далеко не все. Пока у меня есть «Ливерпуль», есть и надежда.

И я продолжил играть. Через семь месяцев опередившие меня звезды Лиллшолла приехали в Мелвуд, чтобы сыграть против моей юношеской команды «Ливерпуля». Они проществовали в спортивных куртках Национальной школы. Внутри меня все кипело. Я покажу им и тем, кто занимался отбором, что они потеряли, когда отказали мне. Я не мог дождаться начала матча.

Я СКВОЗЬ СЛЕЗЫ ВЗГЛЯНУЛ НА ОТЦА. – Я ТАК БОЛЬШЕ НЕ
МОГУ, – СКАЗАЛ Я МЕЖДУ ОЧЕРЕДНЫМИ ВСХЛИПЫВАНИЯМИ.

Тремя самыми яркими их игроками были Майкл Оуэн, Уэс Браун и Майкл Болл, но я сделал их всех. Я превзошел самого себя. Оуэн уже тогда был забивным нападающим, и благодаря его хет-трику мальчишки из национальной школы урвали победу 4:3. Всем было ясно, что, если бы Майкл вновь был в нашей ливерпульской команде или если бы я был в команде Лиллшолла, вместе мы бы разбили противников наголову. Во всяком случае, потом ребята из Лиллшолла выстроились, чтобы пожать мне руку. За это я их уважал и, молча кивая, отвечал на их рукопожатия. Но пока ко мне не подошли тренеры из Лиллшолла, я умчался в раздевалку. Я не хотел ни выслушивать их чертовы речи, ни видеть кого-то из них. Это было выше моих сил.

Отказ молодежной сборной еще долгие годы преследовал меня. Я понимал, почему это так меня обидело. Я хотел играть за «Ливерпуль» и хотел играть за сборную. Когда вторая моя мечта, казалось, была разбита, я еще очень долго не мог прийти в себя. Но мне это удалось.

Мой полноценный дебют в составе сборной Англии состоялся 31 мая 2000 года, на следующий день после моего двадцатилетия, в матче против сборной Украины на «Уэмбли». Трудно было поверить, что я делю раздевалку с Тони Адамсом и Аланом Ширером. Я смотрел, как они играли на Евро-96, когда мне было шестнадцать, а Англия, принимавшая чемпионат, вновь добралась до полуфинала и снова проиграла Германии в серии пенальти. Это было безумное лето, когда, казалось, вся страна распевала про то, что «футбол возвращается домой», вслед за Бэддиелом и Скиннером, которые вместе с ливерпульской группой «Лайтнинг сидз» записали песню «Three Lions» про то, что после «тридцати лет забвения» «Кубок Жюля Рима сверкает, как прежде». Именно в этом матче Газза забил изумительный гол шотландцам еще до того, как мы выиграли в серии пенальти в четвертьфинале и выбили испанцев, которые тогда, похоже, были еще большими, чем мы, любителями продуть крупный турнир.

Я был таким тихим и робким, и тут в старой раздевалке на «Уэмбли» Адамс завопил мне прямо в лицо:

– Готов ты, черт возьми, к этому?

Кровь застыла в моих жилах. В горле все пересохло, но я выдавил из себя фирменное ливерпульское:

– Мы их сделаем!

Матч вмиг пролетел. Я был в полном восторге от того, что на мне белая футболка с моей собственной фамилией на спине. Я приходил в трепет от того, что мне довелось играть против Андрея Шевченко и мы вместе со сборной Англии во главе с Кевином Киганом, легендой Ливерпуля, выиграли 2:0.

Свой сотый матч за сборную Англии я сыграл через 12 лет, 12 ноября 2012 года, в Стокгольме. Мы проиграли 4:2. Златан Ибрагимович забил все голы за сборную Швеции, в том числе и невероятный мяч ножницами через голову, который пролетел 30 метров и проскочил над головой Джо Харта. Когда перед матчем меня попросили дать оценку своей игре за сборную Англии, я предположил, что это будет «шесть или семь». Я был честен, а не пессимистичен.

Если не считать победителей Кубка мира 1966 года, кто еще из игроков английской сборной может, не покрывив душой, поставить себе восемь или десять? Пожалуй, я бы дал восемь баллов кое-кому из команды Бобби Робсона, добравшейся в 1990 году до полуфинала в Италии. Вот и все.

Когда наши раздутые «суперзвезды» опростоволосились и Англия выбыла раньше, чем ожидалось, оскорбления и нападки достигли другой крайности. Игроки стали «совершенно бесполезны» и «полным хламом». И все вернулось на круги своя, если не считать того, что за те 14 лет, что я играл на международном уровне, эти нападки стали более настойчивыми. Как бы хорошо ты ни играл за сборную, ты знаешь, что критика всегда наготове. Именно так чувствует себя игрок сборной Англии. Даже когда ты обыгрываешь сборную одной из «второстепенных» стран, тебя все равно критикуют, если только счет не 5:0.

Мне уже давно очевидно, что одна из проблем, поджидающих многих игроков, которые надевают футболку сборной, состоит в том, что из них слишком поспешно делают героев. В наши дни пресса и СМИ чересчур торопятся объявить какого-нибудь мальчишку великим футболистом, прежде чем тот достигнет каких-то долговременных результатов. Это вредит игрокам. Они начинают верить, что они выдающиеся футболисты, когда на самом деле их достижения весьма скромные.

Кроме того, в скрытых от общественности сферах английского футбола существуют такие моменты частного характера, когда с футболистами обращаются не лучшим образом. Эту жестокую правду открыл мне Стюарт Пирс в 2012 году. Пирс был важным игроком английских клубов, которые я боготворил на чемпионате в Италии в 1990 году и на Евро-96. Он был отличным фланговым защитником, целеустремленным игроком и страстным патриотом. Пирс очень огорчился, когда в конце незабываемого матча в Турине он промахнулся в серии пенальти, которая стоила сборной Англии места в финале Кубка мира 1990 года. Но для него очень характерно, что через шесть лет он настоял на том, чтобы пробить еще один пенальти в другой серии – против сборной Испании в четвертьфинале европейского чемпионата на «Уэмбли». Пирс забил, вызываясь взревел, а Англия выиграла в серии пенальти – единственный раз.

Так что к Стюарту Пирсу я относился с уважением, и он, конечно же, стал главным тренером молодежной сборной Англии и был назначен помощником тренера национальной сборной во главе с Фабио Капелло. Для меня было очень важно, когда он позвонил мне после матча Кубка мира 2010 года в Южной Африке. Я был в аэропорту Йоханнесбурга с большинством футболистов команды, которую я возглавлял как капитан. Мы собирались улетать

домой после разгромного поражения 4:1 в матче с Германией в Блумфонтейне. Пирсу вовсе необязательно было звонить, но это было очень великодушно с его стороны. Он сказал мне, что я – один из немногих английских футболистов, который может покинуть чемпионат мира с высоко поднятой головой, и похвалил, как я держал себя в качестве капитана. Он сказал:

– Я знаю, ты расстроен и разочарован, как и все мы. Но и твое поведение, и уровень подготовки, и то, как ты играл во всех матчах, – все было на высшем уровне. Иначе и быть не могло. Ты был на уровне, так что тебе нужно гордиться тем, что было сделано.

Именно поэтому то, как он обошелся со мной полтора года спустя, казалось столь поразительным и огорчительным. После того как в феврале 2012 года Капелло ушел, а Рой Ходжсон еще не вступил в должность, Пирса назначили исполняющим обязанности главного тренера на время товарищеского матча с Голландией на «Уэмбли». Думаю, Пирс вообразил, что его назначат на эту должность, хотя его тренерские заслуги не идут в сравнение с богатым опытом Роя или Гарри Реднаппа, которого в прессе называли следующим тренером сборной Англии.

В воскресенье, еще до матча с Голландией, «Ливерпуль» выиграл финал Кубка Английской лиги. Мы в серии пенальти обыграли «Кардифф» и поэтому появились в отеле The Grove, который был тренировочным лагерем сборной, совсем рядом с «Уотфордом», позднее остальных игроков состава. Мы прошли в помещение для команды сборной: я, Глен Джонсон, Энди Кэрролл и Стьюи Даунинг. Вошел Пирс со словами:

– Слушайте, ребята, знаю, у вас был сложный матч в финале, поэтому с голландцами вы будете играть только 45 минут. Ну и поздравляю с взятием очередного трофея для «Ливерпуля»!

Думаю, это вполне понятно, и у меня нет никаких претензий по поводу объявления о том, что я буду играть только один тайм в матче за сборную. Но ходило много разговоров, кто будет капитаном, когда Пирс стал главным тренером, и я думал, что, пожалуй, подходящий момент, чтобы сказать мне об этом:

– Можем мы выйти и поговорить?

Или:

– Может, зайдешь ко мне – поговорим?

Казалось, это – идеальная возможность сказать мне, буду я капитаном или нет. Но Пирс не сказал ни слова.

На следующее утро у меня был день отдыха. Едва все остальные игроки ушли на тренировку, Пирс затащил меня в уборную The Grove и сказал:

– Мне просто хотелось сообщить тебе с глазу на глаз, что капитаном на этот матч я назначу Скотта Паркера.

Едва ли мне было что ответить, потому что я знал – он принял ошибочное решение. Скотт Паркер – хороший футболист, он честный, и мне нравилось играть с ним вместе на предстоящем чуть позже Евро-2012, когда я вновь был капитаном при Рое Ходжсоне. Я очень уважаю Скотта как игрока и как человека. Но назначить его капитаном английской сборной вместо меня? В то время Скотт был в неплохой форме, играл хорошо, кроме того, он был лидером. Но у него маловато опыта на уровне сборной и совсем нет опыта капитана на международных турнирах. В матчах за «Вест Хэм» капитаном у него был Кевин Нолан, и они играли на чемпионате в предыдущем сезоне. Не знаю, был ли это камешек в огороде «Ливерпуля» или что-то более личное, но у меня сложилось полное впечатление, что Пирс слегка любовался собой в туалетных зеркалах. Я предполагаю, что это решение было принято с тем, чтобы привлечь внимание к Стюарту Пирсу. Так он заявлял: «Вот он я. Я – главный». Кроме того, возможно, он считал, что лондонские СМИ хотят, чтобы капитанскую повязку носил Паркер. С журналистами он встретился к вечеру того же дня и, обсуждая с ними пока

еще необнародованный выбор капитана, завел длинную речь том, как он ездил в Афганистан и общался с британскими военными о ценности лидерства. Пирс сказал:

– По пути туда я думал: «Что ж, как мне подойти к этому? Какое ключевое качество я считаю основополагающим для лидера?» И единственное слово, какое приходило мне в голову, было «бескорыстие». Мне всегда нужен был такой лидер, про которого его товарищи думали бы, что этот парень ввязался в это для их блага, а не ради себя. Я постараюсь выбрать капитана, который, на мой взгляд, вызывает такого рода уважение у своих товарищей. Тони Адамс имеет такое уважение, Пол Инс, Алан Ширер, Терри Батчер, Брайан Робсон. Для этих ребят команда значит здорово больше, чем отдельные игроки.

Через несколько дней прессу, похоже, ожидал сюрприз. Они сочли, что Пирс говорит обо мне. Некоторые авторы даже обмолвились, что коллеги Пирса, другие тренеры Футбольной ассоциации, удивились, когда он вместо меня назначил Паркера. Разумеется, никто из них не знал, что Пирс-то решил сообщить мне об этом в туалете.

Перед матчем с голландцами мы проводили командные совещания, где Пирс рассказывал нам о подготовке к Евро-2012. Он пытался произвести на всех впечатление и справиться со своей задачей. Но думаю, что решение, каким он поделился со мной в туалете, и послужило одной из причин, почему его так и не назначили на пост, который он желал занять. Возможно, у меня и были опасения по поводу его тактических соображений на посту тренера, но до сей поры я уважал Стюарта Пирса. Только я чувствовал, что он обошелся со мной нехорошо. Это было оскорбительно и неправильно. Мне кажется, это было эгоистично. Расчетливое решение, чтобы все считали, что он бесстрашен.

Бывает, капитанов меняют, и это, разумеется, допустимо. Но это требует объяснения. Меня назначили капитаном вместо Рио Фердинанда, когда тот получил травму перед чемпионатом мира 2010 года. В марте 2011 года Капелло решил вернуть на место капитана Джона Терри. У меня не возникло ни малейших сомнений в его правоте, ведь Джей Ти – несомненный лидер, выдающийся защитник, у него богатый опыт. Но у Джей Ти были свои проблемы. В феврале 2012 года он должен был предстать перед судом по обвинению в расовом оскорблении Антона Фердинанда, брата Рио. Капелло, который хотел, чтобы Терри остался капитаном, рассорился из-за этого с Футбольной ассоциацией. И итальянец уволился. Пирс стал его временной заменой, и за те десять секунд, что он потратил, сообщая мне, что как капитан я ему не нужен, он не выдвинул ни одной причины. Как бы чувствовал себя Стюарт Пирс, если бы Бобби Робсон или Кевин Киган затащили бы его в туалет в Бёрнхэм Бичез, прежней тренировочной базе сборной, и сообщили, что место капитана, на которое он рассчитывал, достанется не ему, а кому-то другому, кто провел на восемьдесят с чем-то матчей за сборную меньше его?

Англия проиграла Голландии, и, к счастью, на Евро-2012 тренером назначили Роя Ходжсона. Я не перестану уважать Пирса как игрока, но после того дня в туалете он немало потерял в моих глазах как человек.

Когда мы достигли кульминационного момента отборочного турнира к чемпионату мира и нам предстояли две важных встречи в октябре 2013 года, я надеялся, что мне удастся сыграть на моем последнем крупном турнире. Чемпионат мира 2002 года я пропустил из-за травмы, а на европейский чемпионат 2008 года мы не прошли в отборочном туре. Теперь же, после трех европейских чемпионатов и двух мировых, мне оставалось сделать последний рывок к международной славе. В 2014 году Кубок мира пройдет в Бразилии, величайшей площадке для любого футболиста международного уровня из любой страны мира, и мне отчаянно хотелось попасть туда со сборной Англии.

Нашим тренером был Рой Ходжсон, прекрасный, умный человек, с которым я наладил тесный контакт. Я все еще был капитаном сборной, и, чтобы завершить отборочные соревнования, нам предстояло провести два домашних матча на «Уэмбли»: с Черногорией и Поль-

шей. Поражение или ничья хотя бы в одном из них обречет нас на очередную нервотрепку в плей-офф, потому что украинцы упорно подпирали нас в борьбе за единственное место в группе, чтобы получить автоматическую путевку в Бразилию. Я вновь ощутил прежнее напряжение, но мне было хорошо.

Сборная Англии бывала здесь и раньше, и вот опять. Да и я бывал здесь, в том числе и дождливым, страшным ноябрьским днем в 2007 году на «Уэмбли». Нам нужно было лишь одно очко в матче группового этапа против сборной Хорватии, чтобы обеспечить себе место на Евро-2008. Нашим тренером стал Стив Макларен, долгие годы бывший помощником Свен-Йорана Эриксона. Я любил Стива, и мне нравилось тренироваться и работать под его руководством. И всем нравилось. Мы прониклись к нему и методам его тренерской работы, но мы не добились нужных нам результатов. Если вы в составе сборной Англии не проходите квалификацию на турнир, у вас большие неприятности. Журналисты и большинство фанатов вас разорвут. Вас вместе с командой снимут со счетов как полных неудачников, которым все безразлично. Разумеется, обратное тоже верно. Нам было вовсе небезразлично, настолько, что мы, пожалуй, под давлением позволили разбить себя наголову.

Я все еще рассчитывал обыграть Хорватию и пройти отборочный этап. Стив принял пару крупных решений, которые вышли нам боком. Заняв пост главного тренера, он удалил из состава Дэвида Бекхэма – еще один пример того, как новый человек пытается заявить о себе. У Стива хватило мудрости, чтобы в конце концов вернуть Бекхэма в команду, но во время матча с Хорватией он оставил нашего самого опытного игрока на скамье. А самое страшное, что он, ко всему прочему, дал молодому голкиперу возможность удачно дебютировать в решающем отборочном матче.

Скотт Карсон был вратарем в «Ливерпуле». Ему едва исполнилось двадцать два, и он был еще зеленый. Стив знал, что Пол Робинсон, прежний номер один английской сборной, переживает тяжелые времена, но заменять его было очень рискованно. В тот дождливый, предательский день, когда Карсон всего на восьмой минуте совершил грубую ошибку, я сочувствовал и ему, и сборной. Нико Кранчар запустил мяч с довольно большого расстояния. Его можно было без труда зафиксировать. Но Карсон допустил, чтобы мокрый мяч выскользнул у него из рук. В тот раз уже через шесть минут мы проигрывали 2:0, и тишина, воцарившаяся на «Уэмбли» после позорной ошибки Карсона, перешла в злобные насмешки.

Фрэнк Лэмпард забил с пенальти. А когда Бекхэм, который вышел в начале второго тайма вместо Шона Райт-Филлипса, навесил на Питера Крауча, который принял на грудь и забил, сравнив счет, мы, казалось, были спасены. Но в тот день хорваты играли лучше нас. Они вновь вышли вперед, восстановив свое преимущество за 13 минут до конца матча. Ответить нам было нечем, и нас смыло дождем под оглушительный свист с трибун мимо Стива, который с несчастным видом стоял под зонтом у скамейки запасных.

Играли мы недружно и не оправдали ожиданий, и результат оказался ужасающим. Казалось жестоким, что основная масса насмешек обрушилась на беднягу Стива Макларена. Он превратился в «дуралея под зонтиком», а его репутация, которую он заслужил, отлично проявив себя как тренер в «Манчестер Юнайтед» и кое-какими успехами в руководстве «Мидлсбро», оказалась надолго подмоченной.

Я думаю, что в других обстоятельствах Стив мог бы неплохо проявить себя в английской сборной, но, если ты не проходишь квалификацию, увольнение неизбежно. Я чувствовал, что отчасти в ответе за судьбу Стива. Считалось, что я выдающийся игрок сборной, а я не оправдал надежд, когда это было действительно нужно. Я до сих пор проклинаю упущенную возможность – в России, и благодаря ей у нас появилась бы спасительная надежда, а матч с Хорватией не был бы таким напряженным. Мы пережили тот страшный день на «Уэмбли» и вновь оказались лицом к лицу с жестокой правдой. На этом уровне футбольных состязаний наибольший вред наносят всякие мелочи.

Было очень важно не повторить эту судьбу через шесть лет. Первый тайм против Черногории оказался беспокойным и без единого гола, но после перерыва мы играли на самом деле хорошо. Андрос Таунсенд показал хорошую игру. Он сделал голевую передачу Руни и один забил сам. Матч окончился победой 4:1. Однако на этом для нас ничего не закончилось. Чтобы обеспечить себе путевку в Бразилию, нам еще предстояло через четыре дня обыграть Польшу.

Стадион «Уэмбли», вторник, 15 октября 2013 года.

Это был такой день, о каком я мечтал на Айронсайд-роуд. Я вышел из туннеля на «Уэмбли», и я – капитан сборной Англии в преддверии чрезвычайно важного матча. Шум был невообразимый: 85-тысячная толпа польских болельщиков подняла дьявольский гвалт, поджигая факелы, запуская петарды и горячо поддерживая футболистов под стать местным фанатам. В свете огней «Уэмбли» выглядел потрясающе. Поле переливалось отсветами, повсюду развевались белые и красные флаги и растяжки, на волне эмоций и с надеждой прославляющие Англию и Польшу. От напряжения картинка оживала. В Уитоне, воображая, что я играю за английскую сборную, я никогда не волновался. Но тогда, на Айронсайд-роуд, мы никогда перед игрой не пели государственного гимна. У нас не было тренера вроде Роя Ходжсона, который взирал на нас со скамейки запасных, так сосредоточенно хмурился, будто бы ему нужно было распустить галстук, чтобы дышалось посвободнее. Рою и ребятам это было просто необходимо. Мы знали, что в Европе наши соперники в борьбе за первые места настроены на достижение цели. Украина встречалась со сборной Сан-Марино, и вопрос состоял лишь в том, сколько мячей украинцы забьют команде, представленной в основном футболистами-любителями. Если мы не обыграем Польшу, то украинцы победят в группе и отправятся в Бразилию. Нас же отбросит назад, к лотерее матчей на выбывание.

Сборная Польши была неплохой командой, и ровно год назад мы закончили матч с ними вничью. Кроме того, за них играл один из лучших бомбардиров Европы, и в первые 25 минут у Роберта Левандовски была пара голевых моментов. Но он ни один не использовал. Местные болельщики нервничали, а вот поляки не прекращали рёва. На «Уэмбли» просочились известия, что украинцы уже ведут 3:0. Я понимал, что наши фанаты на грани того, чтобы сменить ревущую уверенность на ворчливые сомнения. Поляки сформировали плотное и сплошное построение, и нас выводило из равновесия, что, владея мячом, мы не можем забить.

И вот, через четыре минуты после перерыва, мы сделали это. Лейтон Бейнс выполнил безупречный навес в штрафную. А Уэйн Руни молниеносно отправил его головой в сетку. Именно в такие моменты понимаешь, что Руни поистине уникален. Крупные игроки проявляют себя на крупных турнирах. Они не упускают важных моментов, а это была очень важная возможность для сборной Англии.

Матч был далеко не закончен. Нам предстояло завершить целый тайм, а поляки играли действительно целеустремленно. На глазах у такого множества своих болельщиков, которые приехали на «Уэмбли», они хотели лишить нас какого-либо шанса на победу. По ходу матча наше преимущество в счете 1:0 стало казаться весьма хрупким. Я понимал, что даже ничья станет не меньшим провалом, чем победа хорватов в 2007 году. Оставалось 15 минут. Таунсенда заменил Джеймс Милнер, ведь нам нужны были его напор и энергия. Потом вместо Майкла Каррика вышел Фрэнк Лэмпард, и мы получили еще одного опытного игрока, а полузащитник в лице Джека Уилшира заменил забивного нападающего, Даниэля Старриджа. Оставалось менее десяти минут. Поляки продолжали бегать и играть.

Смутное недовольство толпы прокатилось по трибунам и по полю – по лицу у меня струился пот. Я заставил себя сделать последнее усилие, потому что при любой попытке сохранить свое преимущество мы могли пропустить гол. Поляки напирали изо всех сил, и

один из их центральных защитников снова отдал мяч вперед. Но Милнер перехватил его на центральной линии поля. Он огляделся, а затем, надеясь на меня, протолкнул мяч в моем направлении. И тут я почувствовал свой шанс. Я был далеко. Ближайший польский футболист уже сидел на хвосте. Я подхватил мяч, и мои длинные ноги во весь опор понесли меня по полю. Я сместился в центр, зигзагами обходя очередного соперника и первого мчащегося ко мне защитника. Меня все еще окружали трое в красных футболках. Последний из них и голкипер, Войцех Щесный, стремительно приближались. Но я был под влиянием момента – меня было не остановить. Я вытянул правую ногу, тут же свалившись в порыве атаки. Я первым подоспел к мячу и выполнил изящный бросок мимо Щесного. Снаряд по дуге отправился в пустые ворота.

МНЕ БЫЛО 33, И Я ТОЛЬКО ЧТО ЗАБИЛ, БЛАГОДАРЯ ЧЕМУ МЫ ПОПАЛИ В ФИНАЛЬНУЮ ЧАСТЬ КУБКА МИРА.

Я вскочил на ноги так стремительно, что едва можно поверить, и помчался прочь. Я бежал так быстро, что никто не мог нагнать меня. Я поднял голову, приоткрыл рот и раскинул руки в ликовании. Я несся по направлению к угловому флажку, где, я видел, беснуется толпа. Болельщики прыгали и кричали, а я мчался по направлению к ним. Я раскинул руки еще шире, словно собирался влететь в кипучую массу английских фанатов. Приближаясь к ним, остановиться я не мог. Я далеко прокатился на коленях, затормозив о мокрый, блестящий газон, и вновь раскинул руки, словно готовый обнять каждого. Затем я вновь поднялся, ухмыляясь и жестами подтверждая свой успех. Это мое празднование гола было еще более необузданным, чем все то, что я вытворял на Айронсайд-роуд долгие годы назад. И от этого оно было еще приятнее. Мой восторг был еще полнее и ярче, чем я представлял. Это было счастье и эйфория со смыслом. И я знал, что это значит. Мы не только победили со счетом 2:0 на восемьдесят восьмой минуте. Для нас закончились волнения и сомнения – по крайней мере пока, – и мы на пути в Бразилию.

Руни и Уэлбек, наконец, догнали и напрыгнули на меня, заодно примяв угловой флажок. Милнер, Уилшир, Лэмпард и все остальные навалились сверху. Я оказался под кучей белых футболок – и мне даже дышать не надо было, так безумно я был счастлив. В конце концов они все слезли, и я, все еще лежа на спине, услышал шум. Я был столь счастлив, а по «Уэмбли» с ревом прокатывался безумный гвалт. Вот это ощущение!

Уэйн несколько раз игриво пошлепал меня по лицу, а затем поднял на ноги. Я обернулся к толпе и с сумасшедшим криком «Да!» выбросил кулак вверх. Мне было тридцать три, и я только что забил, благодаря чему мы попали в финальную часть Кубка мира. Меня обнял Бейнс, а потом и Фил Джагелка, двое футболистов из «Эвертона», которые в тот день полностью отделились игре. Я вернулся к центральной линии поля – уже один. Голову я опустил, но лицо все еще светилось от счастья. Только футбол давал мне почувствовать такую полноту жизни. Только футбол мог вызвать такую радость.

ФУТБОЛ – ЭТО КЛЕТКА С ТИГРАМИ. ШУМ БЫВАЕТ ОГЛУШИТЕЛЬНЫМ.

Футбол – это клетка с тиграми. Шум бывает оглушительным. От болтовни и едких нападок отстраниться непросто, а мне, после отборочных матчей за сборную, хотелось спокойно, ни на что не отвлекаясь, играть за «Ливерпуль». В субботу после матча с поляками я забил очередной гол – в матче с «Ньюкаслем». Я закрутил мяч с пенальти вправо от Тима Крула. Я даже не сомневался в исходе, поэтому развернулся прочь. Я не улыбался, но раскрыл объятия навстречу мчащимся ко мне Хендерсону, Джонсону и Суаресу. Такое сдержанное ликование казалось вполне к месту. Это был мой сотый гол в Премьер-лиге, и мы проигрывали 0:1. После очередной ошибки в обороне нам вновь пришлось отыгрываться. Суарес с Мозесом разыграли комбинацию на левом фланге, и Луис сделал поперечную передачу

на ворота. Старридж забил головой. Счет 2:2, ничья. В раздевалке я огляделся и с удовольствием заметил, что все расстроены тем, что пропустили два мяча в гостевом матче. Мы делаем успехи и становимся по-настоящему честлюбивыми. Было немного досадно и удивительно, когда из «клетки с тиграми» вновь донесся рев. Это забеспокоился один из старых тигров, Алекс Фергюсон, и я остановился прислушаться. Девять лет назад, в 2004 году, Фергюсон назвал меня «самым влиятельным игроком в Англии, без всяких оговорок», и заявил, что «любому хотелось бы иметь в своей команде такого футболиста, как Джеррард». А еще раньше, в 2000 году, когда мне было всего двадцать, перед нашим матчем с «Юнайтед» он сказал:

– И в физическом отношении, и что касается технической подготовки, Джеррард развит не по годам. Это – надежный механизм, замечательно энергичный. Он просчитывает игру и делает стремительные передачи. Мне было бы неприятно думать, что в «Ливерпуле» есть кто-то не хуже Роя Кина.

Прочитав сказанное Фергюсоном, я был сражен наповал. Эти слова произвели еще больший эффект: стылый декабрьский день 2000 года стал зловещей декорацией к нападению фанатов «Юнайтед» на наш автобус возле стадиона «Олд Траффорд». Они скандировали: «Уваливай, мразь, мы тебя замочим в твоих ливерпульских трущобах». В тот день мы разгромили «Манчестер» – Дэнни Мёрфи забил со штрафного. После Рой Кин пожал мне руку со словами: «Отлично сработано». После поражения на своем поле ему необязательно было говорить это, так что слова Кина и Фергюсона многое значили для меня.

И все же через тринадцать лет Фергюсон, начав свою биографию с событий 22 октября 2013 года, утверждает в своей книге, что никогда не считал меня «топ-игроком». Он пишет, что я «редко забивал в ворота» «Манчестера» и что в сборной Англии так часто играли мы с Фрэнком Лэмпардом, а не Майкл Каррик, лишь из-за нашей «бравადы». Его замечания вовсе не лишили меня сна, но после тех слов, что он говорил, когда я еще даже не достиг своего пика, меня они несколько озадачили. Кроме того, мой агент, Струан Маршалл, рассказывал, что «Манчестер» под руководством Ферги делал серьезные попытки переманить меня. Когда мы жили на тренировочной базе английской сборной, ко мне захаживал Гари Невилл. Он заглядывал поболтать и сообщал, как сильно в «Юнайтед» желали бы, чтобы я играл за их клуб. Гарри говорил, что его послал Ферги.

А теперь, когда прошло больше десятка лет и он ушел из спорта, Фергюсон резко отзывается обо мне. Кто знает, был ли он действительно искренен. Барьер между «Юнайтед» и «Ливерпулем» не преодолеть, и мы до сих пор в некоторой мере соперники. Уверен, что прежде я тоже пару раз говорил кое-что, что вызывало досаду Фергюсона.

В тот день журналисты раздули это, и телефон у меня разрывало от сообщений. Единственное, что было важно, – это то, что Фергюсона я на самом деле уважал. Но интересно, сколько же, по его мнению, призов лиги могли бы взять Пол Скоулз или Рой Кин, если бы один из них поменялся со мной местами. В команде «Манчестера» я бы неплохо себя чувствовал, если бы вместе с Кином играл в центре поля, с Дэвидом Бекхэмом на правом фланге, Райаном Гиггсом на левом и Рудом ван Нистелроем в качестве нападающего. В этой команде я бы отлично преуспел. Во всяком случае, что это Ферги подразумевает под «лучшим, самым лучшим игроком»? Если он имеет в виду Зинедина Зидана, или Андреса Иньесту, или Хави, тогда он, разумеется, прав. Я не так хорош, как они. Но я играл и соперничал с большинством ведущих игроков и никогда не попадал впросак. Я не склонялся ни перед одним из противников, с которыми я встречался. Но бывали времена, когда мой родной «Ливерпуль» уступал в сравнении с командами Алекса Фергюсона и лучшими клубами Европы, и мне было непросто примириться с этим. Что же касается Майкла Каррика, то я – большой поклонник его самого и манеры его игры в составе «Юнайтед». Он проделал потрясающую работу. В отличие от Каррика, природного опорного полузащитника, я – футболист совершенно

инного плана. Если взглянуть на мою статистику и статистику Майкла Каррика, они кардинально различаются. Поэтому если говорить о количестве забитых голов, то Каррика нельзя сравнивать со мной или Лэмпардом. Как нельзя сравнивать мою игру или игру Лэмпарда с тем, что Каррик может выполнять в обороне, из-за того, что мы выполняем совершенно разные задачи в центре поля. Вероятно, Фергюсона расстраивало, что Каррик получает недостаточно похвал, и я думаю, что, пожалуй, он прав.

Все это – только мнение, точно так же, как в тот раз, когда Зидан однажды был столь любезен, чтобы заявить, что я – лучший игрок в мире. Мне было приятно прочесть эти слова, но я не забывал и о том, что это – всего лишь одно мнение, которое Зидан высказал именно в этот день. Фергюсон же решил прокомментировать меня в другой день.

Меня, однако, больше волновало воздействие другой фразы из его книги. Фергюсон высказал странное замечание после того, как «Ливерпуль» заплатил слишком много, подписывая контракт с Джорданом Хендерсоном на 20 миллионов фунтов, когда тот ушел из «Сандерленда». Тренеру не понравилась «поступь» Джордана. Фергюсона заявил, что Джордан «бежит от колена, распрямив спину», и сказал, что позже ему придется помучиться от травм.

Джордан был одним из тех футболистов «Ливерпуля», который больше всего меня интересовал. У меня всегда было хорошее предчувствие, что он станет ключевым игроком клуба и сборной страны. Он мне нравился, и я видел в нем много своих черт. Он усердно работал, был командным игроком, стремился к победе и происходил из семьи вроде моей. Я помню, когда у него были трудные времена – что нередко бывает с юношами, – его мама отвела меня в сторонку. По ее лицу я понял, что она озабочена. Она волновалась за своего мальчика. Он ушел из «Сандерленда» и, впервые появившись в «Ливерпуле», был слегка растерян. Этот переход с самого начала был слишком значительным. Мы с ней поболтали, и я сказал: «Вам не о чем волноваться. Я сделаю все, что смогу, чтобы помочь ему, да с ним и в любом случае все будет хорошо». Я видел, что он делает на тренировках, и это меня впечатлило. Как человека я его уже знал и был уверен, что в «Ливерпуле» у него все наладится. Недавно мне рассказали, что раньше у Джордана был плакат с моей фотографией на стене. Этого достаточно, чтобы я почувствовал себя очень старым. Но сейчас он мужчина и может сам о себе позаботиться. Я не могу поставить себе в заслугу, что для Джордана Хендерсона все изменилось. Я лишь переубедил его мать. Это самая приятная из капитанских обязанностей – брать чужие заботы на себя. Я взглянул на маму Джордана и сказал: «Поверьте мне, с ним все будет в порядке». Сплачивать команду, знакомясь с близкими игроками и выслушивая их тревоги и сомнения, – большая ответственность. Теперь я передал эту роль самому Джордану. Я буду смотреть на него, рассчитывая, что как новый капитан клуба он будет выполнять ту же незаметную работу, которая необходима для того, чтобы все футболисты были довольны.

Когда сообщили о выходе книги Фергюсона, я после тренировки отвел Джордана в сторону и сказал:

– Не обращай на это внимания, все это неправда. Ты играешь великолепно и будешь играть все лучше и лучше. Просто Фергюсон устроил небольшой разнос «Ливерпулю». Мы послушаем да пойдем себе дальше!

Кивнув, Джордан ответил:

– Ага!

Но по его лицу было видно, что ему досадно. Ему было непонятно, почему Фергюсон выбрал именно его. Для человека такого ранга, как Фергюсон, это было низко. А Джордан продолжил свой неистово победный сезон, давая таким образом наиболее удачный ответ Фергюсону. Надеюсь, что однажды наши с сэром Алексом пути вновь пересекутся. Возможно, я смогу расспросить его и выяснить, что же он на самом деле обо мне думает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.